

Людмила Козлова

*МОЙ СЫН —
АНГЕЛ*

Людмила Козлова

Мой сын – ангел

«Издательские решения»

Козлова Л. М.

Мой сын – ангел / Л. М. Козлова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904316-0

Седьмой том серии «Избранное» «Мой сын — ангел» — это роман о судьбе потерянного поколения, чья пора взросления пришлась на начало 90-х. «Ангел Возмездия по имени Нибиру» — Повествование-знак о надвигающейся эпохе катастроф.

ISBN 978-5-44-904316-0

© Козлова Л. М.
© Издательские решения

Содержание

МОЙ СЫН – АНГЕЛ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОКЛЯТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мой сын – ангел

Людмила Максимовна Козлова

© Людмила Максимовна Козлова, 2018

ISBN 978-5-4490-4316-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Седьмой том серии «Избранное» «Мой сын – Ангел» – это роман о судьбе потерянного поколения молодых людей, рожденных в середине – конце семидесятых годов 20 века, чья пора взросления пришлось в начало 90-х.

«Ангел Возмездия по имени Нибиру» – повествование-Знак о предстоящей эпохе катастроф.

Редактор и рецензент Николаев Н. М.

© Козлова Л. М., современная российская проза, 2018 г

МОЙ СЫН – АНГЕЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этот роман был задуман моим сыном Славой, который погиб в возрасте 27 лет. Он сам сделал попытку написать его, но не успел. Сюжет, эпиграф, образы героев – всё это наметил он. Он же является автором сказов и стихов, включенных в повествование.

Уверена – найдутся критики, которые усомнятся в том, что сказы были продиктованы ребёнком в возрасте от 3-х до 5-ти лет. Но это факт биографии моего сына.

Думаю, что этот случай не единственный, и, наверняка есть статистика подобных явлений. Многие дети в этом возрасте проявляют гениальные способности. Но свидетельств тому остаётся мало.

К семи годам дети становятся обыкновенными. Объяснить природу таких фактов, вероятно, могут учёные, психологи.

Главные герои романа носят смысловые имена: Эйде – от греческого eidos – образ (образ матери); Иво – видоизменённое ibn (арабск.), ido (эсперанто) – сын, потомок.

История Иво – это судьба целого поколения молодых людей, рожденных в середине – конце семидесятых годов 20 века, чья пора взросления (16—25 лет) пришлась как раз в начало 90-х.

Это сверстники Иво, из которых уже почти никого не осталось в живых. Те, кто выжил, либо отбывают сроки на зонах, либо безнадежно больны.

Та самая «перестройка», которая сломала жизнь миллионов людей, с особой жестокостью прошла своим катком именно по этим мальчишкам, уготовив им войну в Чечне и других горячих точках (тогда новобранцев в массовом порядке отправляли на войну). Либо, оставив их и их родителей без средств существования (без работы, без зарплаты на много лет), вынудила этих молодых людей пойти в криминал, сломав их судьбы страшно и безнадежно.

Во имя чего?

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОКЛЯТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Глава первая. Роковой шаг

*...Ты можешь знать,
Пока он жив,
Его по всем уступам.
Кто ищет, вынужден блуждать.
Иоган Вольфганг Гёте, «Фауст».*

1.

Деньги исчезли. Эйде забыла, как выглядят бумажные купюры. Их облик менялся, чуть ли не каждые полгода. Неестественные цвета, огромное количество нулей, какие-то фантастические рисунки – всё это делало деньги похожими на фантики. Но и этих фантиков она не видела. Зарплату в НИИ перестали давать ещё три года назад.

Предлагали фасовать польские духи и часть продукции забирать вместо зарплаты. Цветные квадратные флакончики и ядовитый запах парфюмерного чуда преследовали Эйде даже во сне. Химики, физики, математики превратились в менял, оптовых продавцов, торговали с лотков, что-то перепродавали. То и дело в выходные дни в городе на каждом углу мелькали знакомые лица старших и младших научных сотрудников – сидя на табуретках перед шаткими столиками, они зазывали покупателей.

Эйде часто ловила себя на мысли, что все они странным образом напоминают инженера из пьесы Погодина «Кремлёвские куранты». Этот изобретатель во времена Октябрьской революции торговал спичками.

Эйде не умела продавать товар ни оптом, ни в розницу. Её попытки влиться в ряды торговцев всегда заканчивались ничем – не удавалось вручить никому ни одного флакона. Покупатели проходили мимо, не обращая внимания на стихийную торговую точку. Пыталась сбывать парфюмерный суррогат по рекламным объявлениям, которые наклеивала на столбы, на стены у подъездов, на заборы, раскладывала в почтовые ящики. Но покупатели не торопились осчастливить себя польскими ароматами с французским названием. Духи стояли дома, раздаривались подругам, знакомым на праздники и Дни рождения.

Три года они с сыном не видели нормальной пищи. Питались, чем Бог пошлёт – в основном кашей и чаем. В последнее время Эйде стала замечать, как тяжёла походка сына. Он волочил ноги, словно древний старец. Отчаяние порой накатывало непреодолимой волной – не хотелось больше надеяться на будущее, ждать каких-то перемен.

Наконец, Эйде стала предлагать на продажу в своих объявлениях домашние вещи. Постепенно квартира пустела. Но денег, вырученных за старую мебель и одежду, едва хватало на хлеб и крупу. При этом Эйде всё ещё исправно ходила на работу в НИИ. И, как ни странно, работы было много. Лихорадочно оформлялись в виде бумажных прожектов какие-то «новые технологии».

Туго набитые бумагами папки отправлялись в Министерства, директорам нефтяных, химических, пищевых производств и т. д. Одновременно научные сотрудники занимались всё той же фасовкой дешёвых духов, изготовлением лосьонов и прочего ширпотреба. Однако заработная плата для рядовых сотрудников никак не нарождалась из этой суеты.

Самым плохое то, что на бесплатной работе требовалось постоянное присутствие каждого сотрудника – табельщица исправно делала своё дело. Оборонный НИИ был военным объектом – несколько рядов колючей проволоки по периметру, две проходных с вооружённой охраной. Выходить с его территории можно лишь на один час в обеденное время. Подработать где-либо на стороне нечего было и мечтать.

Эйде несколько раз на свой страх и риск уходила в обед и отправлялась на поиски другой работы. Домой возвращалась поздно, стараясь побывать в как можно большем количестве мест. В каждом отделе кадров ей задавали одни и те же вопросы:

– Какое у вас образование? Что умеете делать?

Услышав, что – химик-органик, научный сотрудник, сообщали:

– Нам такие специалисты не нужны.

– Но я согласна на любую работу, лишь бы платили, – уверенно говорила Эйде.

Ей отвечали одно и то же:

– Пока ничего для вас нет. Зайдите через месяц.

2.

В предыдущие дни Эйде не удалось продать ничего из домашнего обихода. Уже трое суток сын ходил на учёбу в техникум голодом. Сама она давно питалась Святым Духом. Через три дня удалось продать за копейки журнальный столик. Этих денег хватило на неделю. Потом снова наступило полное безденежье.

Эйде могла бы съездить в деревню к деду и бабушке и привезти продукты оттуда, но никак не получалось набрать нужную сумму на проезд. Билет на автобус стоил дороже тех вещей, на которые находились покупатели. Гигантскими шагами шла инфляция. Цены росли каждую неделю.

Однажды утром, когда Эйде принялась будить сына – с девяти часов начинались занятия в техникуме – он, нехотя открыл глаза и сказал: " Я никуда не пойду».

– Почему? Ты заболел? – со страхом спросила Эйде.

– Нет. Просто не пойду – и всё, – Иво отвернулся к стене.

– В чём дело? Ты можешь объяснить?

– Вечером поговорим, – отмахнулся Иво.

– Вставай и собирайся на занятия! – бросила Эйде. Она торопилась на свою бесплатную работу.

Весь день думала о сыне. Он устал от голода и безнадёжности. Может быть, и вправду заболел. Ему нужны витамины, белки...

– Господи, – взмолилась Эйде, – помоги нам! Больше помощи ждать неоткуда.

3.

Эйде повернула ключ в замке, открыла дверь, вошла в прихожую. В квартире висела осязаемая тишина. Иво всё ещё не вернулся с занятий. Это было непривычно и странно. Уроки давно закончились.

Направилась на кухню, зажгла газ, поставила чайник на плиту. На полке в бумажном пакете оставалось немного пшена. Больше ничего съестного в доме не было. Эйде села на табуретку, словно на электрический стул. И тоска, смертная тоска, навалилась на неё.

Сейчас вернётся домой сын, голодный, усталый. Накормить его нечем. Она и сама устала настолько, что не хотелось больше двигаться, ходить на бесполезную работу, думать о том, где добыть хотя бы немного денег.

Смотрела в окно, как это делают задумчивые кошки, часами сидя на подоконнике – просто смотрела, и всё. Казалось, время остановилось. За окном, как в замедленной съёмке, двигались люди – куда и зачем? Неужели все они знают, куда идут, уверены в себе, имеют детей, кого-то любят, ненавидят? А, может быть, эти движущиеся существа – всего лишь роботы? Временами Эйде ловила себя на мысли, что и сама принадлежит к их механическому братству, только играя роль живого человека. Она понимала – странная иллюзия где-то имеет точки слияния с действительностью, ведь её бессмысленная работа – это и есть запрограммированный процесс. Ощущение винтика в железном механизме никому не интересно, тем более что агрегат уже даёт сбой и вот-вот остановится совсем.

На вечернем небе гасли малиновые отблески заката. Солнце скатилось куда-то за крыши плотно прижимающихся друг к другу пятиэтажек.

Эйде не знала, как жить дальше. Всегда надеялась только на себя, только на свой труд. Но то, что она умела делать, все её исследования и патенты, новые методики – теперь это никому стало не нужным. Прокормиться можно лишь за счёт торговли. Но для этого необходим товар, на который есть спрос. Без денег же товара не приобрести. Так замыкался круг безнадежности. Жизнь превратилась в лабиринт, из которого не было выхода.

Эйде почти физически ощущала, как все её усилия снова и снова упираются в глухую непроходимую стену – в тупик. Но она – взрослый человек, половина её жизни прожита. Что было бы с ней, если бы в юные годы пришлось вот так блуждать в пустоте, как сейчас – без поддержки, без надежды на просвет? Что произойдёт с её сыном завтра? Как помочь ему, как уберечь?

Постепенно стемнело, а Иво всё не возвращался. Эйде уже не находила себе места. Бродила по квартире, заглядывала в окна, вышла на балкон. Торговый центр, восточным углом примыкавший к жилому дому, светился неоновыми бегущими огнями. Цветные блики неестественно меняли окраску елей, выстроившихся в длинный ряд на площади перед кварталом. Город казался каким-то аттракционом, где легко можно попасть в ловушку или встретиться с фантастическим монстром. Да так и было на самом деле. Улицы ночью давно уже стали местом разбоя.

Прислушивалась к каждому звуку на лестнице. Несколько раз кто-то поднимался по ступеням, но шаги уходили вверх и замирали вдали, словно дом имел не пять, а пятьдесят этажей. И каждый раз волна тоски захлёстывала так, что щемило сердце.

Задумчивая мелодия входного звонка отозвалась болью в висках – Эйде кинулась к двери. Наконец-то, пришёл Иво.

- Где же ты был так долго? – радостно спросила Эйде.
- Мама, я нашёл работу. В техникум больше не пойду, – устало сообщил сын.
- Как же ты будешь жить без профессии?
- Проживу. Вот у тебя есть профессия. Ты даже кандидат наук. Но у нас в доме уже три года нет денег. Мама! Мы просто умрём от голода. Неужели ты не понимаешь этого?

Он так спокойно и мудро смотрел на мать, что казалось – это он родитель, а Эйде – его чадо. Она заплакала, понимая, что сын прав. Но было ясно также – этот шаг Иво изменит всю его жизнь, и неизвестно, что последует дальше.

- Какую работу ты нашёл? – сквозь слёзы спросила Эйде.
- Буду разнорабочим на лесозаводе. Я объехал весь город. Другой работы нет. Обняла сына. Присели на диван и долго молчали.
- Иди, детка, поешь – там, в кастрюле, каша, – спохватилась Эйде.
- Мама, я был ещё в гостях. Помнишь, Женьку из нашего подъезда, где мы жили раньше?
- Конечно. Как он?
- Мам, он крутой. У него есть всё – иномарка, видео, японский магнитофон, диски, компьютер...
- Господи, откуда? Ведь они с матерью жили так же, как и мы?
- Я пока не знаю, но Женька предложил мне работу, за которую платят кучу денег.
- Иво, не вздумай с ним связываться. Это наверняка криминал.
- Мам, я впервые за последнее время наелся у Женьки до отвала – утка по-индийски, бананы, шоколад...

Эйде снова заплакала. Её аргументы закончились. Как можно убедить голодающего ребёнка, если ему предлагают деньги и пищу. А что может предложить она?

4.

Иво исправно ездил на работу. Вставал в пять утра – лесозавод находился на другом конце города. Дорога занимала целый час. Он не жаловался – с детства был терпеливым. Может быть, потому, что много болел и привык к постоянному ожиданию в очередях в поликлинике, к процедурам в физиокабинете, к вечным уколам и таблеткам.

Эйде радовалась, что сын всё-таки выбрал лесозавод, а не соблазнительное предложение друга Женьки. Так прошло три месяца. За это время Иво ни разу не получил ни рубля. А когда попытался добиться заработанных денег, ему сказали нагло и жёстко: " Не хочешь работать бесплатно, не работай!" После этого он взял отпуск без содержания и трое суток сидел дома – думал.

Туманным утром в четверг Иво снова отправился на работу. К вечеру вернулся на КАМАЗе, загруженном до верха лиственничным брусом. Выгрузил всё это богатство перед подъездом и стаскал прямо в квартиру.

Эйде, придя домой, уже в прихожей почувствовала хвойный аромат и чуть не споткнулась о смолистый штабель, возвышавшийся в зале. Бруски заняли половину площади в комнате и почти упирались в потолок.

- Иво, тебе выдали зарплату натурой? – удивилась Эйде.
- Я сам себе выдал зарплату.
- Значит, ты это украл? – испугалась мать.
- Называй, как хочешь. Но я взял то, что заработал. Иначе получится как у тебя – бесплатный труд.
- А если заведут дело, что тогда? – не сдавалась Эйде.
- Буду судиться с директором, – заявил Иво решительно.
- Это бесполезно. Всё равно он будет прав. Вот посмотришь.
- Нет, прав буду я! Это моя зарплата.

На следующий день сын удачно продал брус – этот товар в отличие от дешёвых духов пользовался большим спросом. Вырученные деньги Иво отдал матери, а сам отправился на завод увольняться. К удивлению Эйде никто ни в чём не обвинил сына. Ни о каком суде не было и речи. Оказалось, почти каждый работник лесозавода занимался тем же. Видимо, хозяева подсчитали, что так дешевле «расплачиваться» с рабочими. Кроме того, каждого из них в любое время можно выгнать за воровство.

Так закончилась первая попытка Иво честно зарабатывать на жизнь.

5.

Уже два месяца Иво искал работу. Теперь он в первую очередь узнавал у рабочих, стоит ли устраиваться на то или иное предприятие, то есть, платят ли зарплату. Оказалось – почти везде люди работают за «спасибо». Где-то давали немного муки, где-то – крупу, рыбу или буханки хлеба, но денег не платили. Иво понимал, что всё это – не выход, потому что кроме пицци нужна ещё и одежда. Свою куртку он уже износил до крайности. А зима – не за горами.

Вечерами они обсуждали, куда стоит отправиться завтра. Но с каждым днём энтузиазм Иво убывал. Эйде со страхом думала, что же дальше? Поиски не могут быть бесконечными.

И вот однажды сын заявил, что больше не пойдёт никуда.

- Иво! Нужно где-то работать или учиться. Иначе как жить? – пыталась она взывать к его разуму.
- Я подумаю. Дай мне неделю, – сказал Иво.
- Хорошо. Думай. Ты уже взрослый, – согласилась Эйде, но сердце оборвалось. Поняла, что сын будет взвешивать – не стоит ли обратиться к богатому другу Женьке.

6.

В сквозные кружочки было видно, что в почтовый ящик брошено какое-то послание. Эйде повернула ключ в замке, открыла крышку, и в руки упали две бумажки. Одна – цветная агитка за очередного кандидата в депутаты, другая... Эйде подошла к лестничному окну и прочитала: «Повестка призывнику Райвоенкомат... Явиться к 10 часам».

Непрошенные слёзы подступили к глазам – знала, что призывников из Бийска часто отправляли в Чечню. На Дальнем Востоке мальчишки погибали от дистрофии, в других местах – от дедовщины. И вот теперь её сына ждала такая же судьба – либо война, либо два года издевательств. Но и здесь не лучше – беспросветное растительное существование.

Вошла в дом, опустилась на диван и снова и снова читала скупой текст повестки – что об этом скажет Иво? А если сын заартачится, откажется идти в военкомат. Многие призывники так и делали – годами прятались от призыва, кого-то разыскивала милиция.

– Да, выбор не богат, – подумала Эйде, – война, преступная армия, голодная честная жизнь или криминал. Вот всё, что даёт моему мальчику жизнь. Вернее, не жизнь, а общество, которое скатилось до волчьего выживания. Что делать? Что посоветовать сыну?

Когда пришёл Иво, молча подала повестку.

– Мама, – сказал он спокойно, – я сделал выбор. Про военкомат не думай. В армию не пойду. Как? Ещё не знаю, но способ найду.

– Сыночек, мой дорогой! Но тебя станут разыскивать. Откроют дело. Нужно идти на медкомиссию. Может, будут какие-то причины по здоровью. Ведь ты так долго болел, у тебя слабые лёгкие.

– Берут всех подряд. Даже инвалиды пригодны для строевой. Да ты и сама знаешь это. И мой характер знаешь – если кто-то начнёт надо мной издеваться, я просто перестреляю всех. Тоже заведут дело.

– Как же ты будешь жить?! – в который раз спросила Эйде.

– Мама, чему быть, того не миновать. Давай надеяться, что всё наладится. Я решил работать на Женьку. Деньги будут. Остальное образуется.

7.

Громко и резко затрещив телефон. Эйде сняла трубку.

– Мам, это ты? Приходи домой сразу после работы, не задерживайся. Мы с Женькой ждём тебя у нас дома.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось, но ты нам нужна. Мы ждём.

– Ладно, через час буду.

Эйде задумалась – что нужно этому Женьке? На первый взгляд, он неплохой парнишка – улыбчив, вежлив, складно говорит. Иво почти боготворит его. Ведь с тех пор, как Женька снова вошёл в жизнь сына, вопрос о деньгах отпал сам собой. Иво приоделся – купил дорогую кожаную куртку, такую же дорогую обувь, модную кепку. Но когда Эйде пыталась узнать, чем они занимаются, сын уходил от прямого ответа. Говорил – торгуем, и всё. Больше узнать ничего не удавалось. Женька на её вопросы лишь улыбался: «Не бойтесь. Всё будет нормально!»

Взглянула на часы – рабочий день закончился. Быстро собралась и, закрыв дверь лаборатории, двинулась по длинному коридору к выходу. Пройдя проходную, торопливо свернула направо и пошла вдоль аллеи спящих, засыпанных снегом голубых елей. Дорога на этот раз показалась долгой, постоянно что-то мешало движению – то поперечный поток автомобилей на улице, то большой и толстый бультерьер, привязавшийся к ней в одном из дворов, то дети, катающиеся на санках поперёк пути.

Наконец, вошла в подъезд своего дома. Иво и его друг ужинали на кухне. Пахло пельменями, свежим чаем, лимоном. В большой тарелке горкой лежал жемчужно-зелёный виноград.

– Откуда такое богатство? – поразилась Эйде. Она забыла вкус всех этих яств. В последний раз готовила пельмени ещё при социализме – несколько лет назад.

– Удачно продали партию товара, – сказал Женька. – Продукты куплены на деньги Иво. Он их заработал. Так что, садитесь и кушайте!

Когда закончился пир, по-другому Эйде не могла назвать этот ужин, Иво сказал:

– Мам, у нас к тебе разговор. Женька всё объяснит.

– Ну, говори!

– Вы знаете, – осторожно начал Женька, – дела у нас идут хорошо. Вы сами видите. Иво стал похож на человека – оделся, обулся. Работы много, но есть проблема. Нам нужна ещё одна машина. Свой товар я перевожу на «Ауди». Иво тоже нужен транспорт. Можно очень недорого приобрести у моих знакомых иномарку. Всего за четыре—пять миллионов. Кроме вас помочь некому.

– Чем же я-то помогу? – удивилась Эйде. – Я не помню даже, как выглядят деньги – так давно не получала зарплаты.

– Но есть большая квартира. Зачем вам такая площадь? Можно обменять её на меньшую с доплатой. Вот и автомобиль для Иво. А жить он всё равно будет отдельно – мы сняли квартиру в центре. Помогите сыну. Кто поможет, кроме матери?

– Нет, жильё менять нельзя. Во-первых, могут обмануть. Во-вторых, где разместится семья, если Иво женится? – удивилась Эйде такому несерьёзному подходу.

– То ли женится, то ли нет. А трудиться надо сейчас, пока есть возможность. Денег на жильё Иво заработает. Купит квартиру, когда приспичит, – уверенно улыбаясь, говорил Женька.

– Мам, это действительно, так. Машина нужна мне и немедленно. Без неё я не смогу дальше работать. Чтобы что-то иметь, нужно сначала что-то вложить. Это и будет мой вклад. Соглашайся, – вступил в разговор Иво.

– Нет, ребята. Я так не могу. Даже и не просите. По крайней мере, дайте мне подумать, – пыталась уйти от разговора Эйде.

– Думайте, конечно, – согласился Женька, – только не очень долго. Машину продадут, а следующая дешёвая иномарка прибудет нескоро. Я надеюсь только на вас.

– Я тоже, – сказал Иво. – Мам, мы поехали.

– Куда? Уже вечер, – удивилась Эйде.

– Ну, Женька же сказал – мы сняли квартиру в центре. Там я и буду пока жить, чтобы не мешать тебе. Мы встаём рано – иногда в три часа ночи, чтобы добраться до Новосиба утром. А ты ведь устаёшь на работе. Живи спокойно, отдыхай, сколько нужно.

– Как же так? Значит, я остаюсь одна?

– Я никуда не уезжаю, буду здесь, в городе. Через день увидимся – заеду к тебе. Мам, давай менять квартиру. По-другому не получится. Думай, но помни, что без машины ничего не заработаешь. Без денег и от армии не открутиться.

– В военкомат всё равно придётся идти. Они не оставят тебя в покое. Скоро пришлют ещё повестку.

– Будут деньги – я решу этот вопрос, – уверенно заявил Иво.

Парни шумно спустились по лестнице, хлопнула входная дверь, и всё затихло. Эйде сидела на кухне, вслушиваясь в звуки ночи. Вот так неожиданно-негаданно она осталась одна. И никто не подскажет, что делать? Действительно ли надо менять жильё? Если нет, то, как быть с Иво?

– Утро вечера мудреней, – устало сказала Эйде, – буду думать до утра.

8.

Она долго смотрела на улыбающуюся луну, висящую прямо над крышей соседнего дома. Звёзды мерцали в ночном небе, казалось, выговаривая что-то важное. Наконец, уснула, провалившись в пустое гулкое пространство. Вглядываясь в эту серую пустоту, с трудом поняла, что находится в своей квартире. Мебели не было. Только на стене висел большой ковёр странной мрачноватой расцветки.

Эйде потрогала его рукой и поняла, что это толстый слой плесени. Ощущение тошноты и брезгливости заставило её отшатнуться.

Больно стукнувшись о другую стену, с опаской отстранилась и от неё. Но там были привычные голубые обои с кружевным силуэтом берёзы.

Эйде прошла по всем комнатам. Звонкое эхо шагов металось от одной стены к другой. В комнате сына тоже было пусто, только на полу одиноко лежала большая наборная штанга. Рядом горкой возвышались яркие цветные двухкилограммовые диски. Сын постоянно занимался спортом, штанга была его любимым снарядом.

– Пусть она остаётся здесь, – подумала Эйде, – будет причина вернуться в эту квартиру.

Подул ветер, залетев в открытые окна, и загулял в чужом жилище, как хозяин. Уныло прозвучала мелодия его бродяжьей песни. Эхо пустой квартиры повторило её. Звуки сливались в печальное многоголосие. Тяжёлая душная тоска по-медвежьки навалилась на сердце.

Спустились к земле облака, придвинулись к дому, вползли на балкон, загородив свет дня. Эйде как будто заблудилась в пустоте. Захотелось вырваться на волю, увидеть солнце, небо.

И тут, как в сказке, она и вправду увидела солнце. Его раскалённый диск уже почти спрятался за горизонтом. Небо сияло всеми оттенками малинового цвета. Эйде вышла на балкон, взмахнула руками и полетела прямо в закат.

Мчалась, догоняя убежавшее солнце. Потом посмотрела вниз, на землю – там тёмно-зелёным массивом раскинулся сосновый бор. Эйде опустилась на гору, с которой сбегала асфальтовая дорога, и долго ещё наблюдала за солнцем, медленно утопавшим в сосновом океане.

9.

Проснувшись рано утром, отчётливо вспомнила сон.

– Ох, наверное, придётся заняться обменом! – вслух сказала Эйде. – Но я ещё подумаю.

Думать долго не пришлось. Вечером приехал сын с другом. Первым делом спросил:

– Ну, что, мам? Надумала меняться?

– Иво, я боюсь. Ни ты, ни я – не сможем просчитать последствия. Мне кажется, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Мам, пойми – мне очень нужен транспорт. Без машины я никогда не смогу много зарабатывать. Жить без денег дальше нельзя. Ты можешь существовать на копейки, потому что у тебя есть профессия. Можешь ждать лучших времён. А я не могу – мне когда-то придётся кормить семью. Если сейчас не научусь зарабатывать, значит, жизнь поставит на мне крест.

Эйде понимала – сын по-своему прав, ведь всё изменилось. Истины, которые ещё недавно были непреложными, превратились в мусор. О чём можно рассуждать, когда уже три года они просто голодают. И просвета – не намечается. О чём можно думать, что выбирать, если завтра ты просто умрёшь от потери сил.

– Хорошо, – сказала Эйде, – буду искать варианты обмена. Сынок! Это, действительно, поможет тебе?

– Мам, я люблю тебя! – просиял Иво. – Мы поехали. Завтра увидимся.

10.

Странно, но обмен нашёлся очень быстро, и квартира оказалась как раз в сосновом бору – на далёкой окраине города. Там же находилась гора, с которой асфальтовая дорога убегала в закат. Сон, увиденный Эйде две недели назад, воспроизвёлся в жизни почти точно.

Много раз возвращалась она к этому пророчеству, пытаясь разгадать остальные картины сна. Но загадка не хотела открывать своего тайного смысла. Однако застрявшие где-то в глубине сознания фантастические мрачные образы постоянно вызывали далёкую тревогу, похожую на голос проснувшейся лавины в горах.

Эйде перевезла вещи, занялась ремонтом. Она очень уставала – ездить на работу теперь приходилось с пересадкой. Сначала садилась в трамвай. Маршрут проходил по окраине города, потом рельсы убегали на опушку соснового бора. Цветной вагончик долго двигался вдоль дикого леса, останавливаясь около предприятий. Все они располагались в лесных массивах, выглядывая из-за деревьев только окнами проходных. На предпоследней остановке трамвайного маршрута Эйде пересаживалась на автобус. Дорога петляла по лесу так, словно её строили пьяные зайцы. На девятом крутом повороте находилась конечная остановка.

Езда отнимала полтора-два часа. Но зато каждый раз, выйдя из автобуса, Эйде пешком поднималась по асфальту в гору, останавливалась среди сосен и наблюдала, как солнце снижается, касаясь колючих верхушек, а потом норовит спрятаться за далёкую кружевную кромку бора. Небо на западе становилось похожим на малиново-сиреневое озеро. Кромки облаков горели красным огнём. Сосны – оранжевым пламенем, от самого яркого – светлого, до тёмного – почти коричневого.

Можно было смотреть на это волшебное действие до ночи, но в темноте, да ещё в лесу, не погуляешь. С сожалением отрывала взгляд от огненного заката и спускалась к жилому кварталу. Рубины заката горели и в окнах домов, многократно дробясь и мерцая.

Постепенно в квартире становилось уютно. Ремонт закончился. Эйде привыкла к маленькому жилищу. Ей нравилось, что окна выходят на просторы большой реки. На другом далёком

берегу стеной рос краснотал. В закатные часы кустарник окрашивался в карминовые оттенки, отражаясь в зеркале льда. Этот тройной костёр – заката, пламеневшего кустарника и его отражения – фантастически сиял в проёме окна, разбрасывая по стенам квартиры розовые блики. Эйде старалась в эти часы почаще бывать дома. Пламень заката подпитывал её – увеличивал физические силы и как бы излечивал от тяжести жизни. Так ей казалось.

Одинокой себя не чувствовала. Во-первых, не знала, что такое скука. Ей всегда было достаточно самой себя. Всё невысказанное выливалось в стихи и рассказы. Она давно занималась писательством.

Во-вторых, Иво почти каждый день приезжал на своей машине, чтобы узнать, как жизнь, как дела. На доплату, полученную при обмене, купил «Тойту – терцэл». Это была маленькая быстроходная иномарка ярко-красного цвета. В её багажник входило много груза. Иво был доволен. Эйде уже научилась по звуку работающего мотора отличать «Тэрцел» от других машин, и всегда знала, что приехал сын. Услышав характерный скрежет тормозов во дворе, шла к двери и никогда не ошибалась.

Одно огорчало – Иво выписался с прежнего места жительства, а прописываться в новой квартире не хотел.

– Тебя начнёт разыскивать военкомат, – предупреждала Эйде.
– Пусть ищут, всё равно не найдут. Где искать, если нет прописки?
– Они будут требовать, чтобы я сообщила твоё место жительства.
– А ты не говори, не знаешь – и всё!
– Откроют дело об уклонении от призыва, передадут в суд, – настаивала Эйде.
– Мам, если дойдёт до этого, я сам разберусь. А пока – пусть будет так, как есть, – легко отмахивался Иво.

Но Эйде была права. Однажды, вернувшись с работы, нашла очередную повестку военкомата в почтовом ящике. Её сына приглашали на медкомиссию. Весь вечер ждала Иво, но на этот раз он не приехал навестить её.

11.

Часы пробили полночь, когда Эйде отправилась спать. Огромная круглая Луна смотрела в окно, повиснув низко над рекой. В её серебряном свете заросли краснотала на противоположном берегу казались траурно чёрными и производили какое-то гипнотическое действие. Эйде не заметила, как уснула.

Она стояла возле окна в новой квартире и снова смотрела на большой диск Луны. Казалось, он сделан искусным мастером из прозрачной майолики или голубого хрусталя. Драгоценное изделие спустилось совсем низко и приблизилось к самым стёклам. Вот-вот Эйде протянула бы руку и потрогала этот живой сверкающий диск, но тут какой-то звук заставил её обернуться.

Обвела глазами комнату. Не найдя источника звука, снова обратилась к окну. Но Луна уже сияла высоко в зените и улыбалась таинственно и высокомерно. Эйде разочарованно отошла в глубь комнаты и вдруг увидела стоящее на платяном шкафу маленькое скукоженное существо.

Оно было одето во что-то, похожее на жёлтое кимоно, перепоясанное зеленоватым широким шарфом. Его изумрудные кисти свешивались до самых ног. Если, конечно, у него были ноги, а не что-нибудь другое.

Маленькие ручки, сложенные на животе, цепко держались одна за другую. Его жёлтое лицо ничего не выражало – словно маска безразличия. Только маленькие глазки моргали время от времени, да сверкали отражённым светом зрачки. Большие остроконечные уши торчали странно и неудобно. Казалось, они мешают крошечной головке и не дают ей повернуться туда, куда следует.

Эйде, удивлённая этой картиной, подошла поближе и долго разглядывала маленького монстра. Он тоже молча наблюдал за её действиями.

– Кто ты? – спросила Эйде. – Откуда ты взялся?

Жёлтый гном криво и как-то жалко улыбнулся, но ничего не ответил. Его кимоно стало бледнеть, зелёный шарф просвечивал насквозь, большие уши размыло туманным облачком. Жёлтое лицо побелело и тоже размылось, как акварель. Он весь задрожал, стал похож на отражение в зыбкой воде и, наконец, исчез.

Эйде в недоумении стояла перед шкафом, пытаясь задрать голову повыше, в надежде увидеть, куда пропало странное существо. Но от него не осталось и следа.

Она проснулась от звонка будильника и первым делом бросила взгляд на шкаф. Сообразив, что видела сон, похожий на сказку, встала, пошла в ванную. Умывалась и всё думала о том, что увидела на этот раз. Эти пророческие сны, сбывающиеся так быстро, уже пугали её.

– Нужно вычеркнуть дурацкую картинку из памяти, – решила Эйде.

И она так хотела этого, что действительно забыла жёлтого монстра, стерла его в сознании каким-то виртуальным ластиком.

12.

Сын приехал только через два дня поздно вечером. Эйде услышала голос его маленькой «Тойоты» и открыла дверь. Иво быстро поднялся по лестнице, вошёл в дом и как-то торопливо захлопнул за собой дверь.

- Где ты пропадал? Тебе снова пришла повестка из военкомата, – сообщила Эйде.
- Бог с ней, с повесткой! – сказал Иво. – У меня новости похуже.
- Что случилось? – сердце Эйде застучало в бешеном ритме, ноги отяжелели.
- Мама, мы залетели.
- Что это значит? – бледнея, спросила она.

– Это всё Женькина жадность... Два дня назад поздно вечером, когда мы приехали к тебе, он увидел здесь, в городке, у соседнего подъезда не закрытую «девятку» и решил её угнать. Но случайно захлопнул дверцу.

– Ну, а ты где был? Почему не помешал? – дрожащим голосом проговорила Эйде.

– Я сидел в «Тэрцеле», слушал музыку через наушники и даже не видел, как Женька достал нашу самоделку – раскладной прицеп и прицепил «девятку». Потом плюхнулся ко мне на сиденье, крикнул: «Ходу!». И мы рванули вперёд. А хозяин в это время наблюдал за нами из окна и тут же позвонил в милицию. В лесу нас догнал милицейский УАЗик из посёлка. Ну, ты знаешь, какой у них разбитый драндулет. Я включил последнюю скорость, оторвался от них. В городе мы отцепили жигуль и бросили, но было поздно. Номер «Тойоты» они всё-таки засекли. Теперь моя машина и я – в розыске. А «девятка» во время погони два раза стукнулась о столб. Она разбита.

– Детка, что ты наделал! Теперь точно попадёшь под суд. Я так и знала, я чувствовала! Твой Женька – бандит! – Эйде зарыдала, не в силах остановиться.

– Мама, не плачь! Только не плачь! Прости меня, я – дурак, – обнял её Иво.

– Что же делать? Нужно ехать в милицию с повинной. Ничего другого не остаётся, – сквозь слёзы говорила Эйде.

– Нет, мам, в милицию я не пойду. Хозяин «девятки» – сутенёр из спортивного клуба. Туда ходят все менты. Меня просто забьют, сделают инвалидом. Или убьют.

– Мальчик, мальчик мой! Как теперь быть? – рыдала Эйде.

– Ничего, мам! Я уйду в бега. Уеду на время, пока всё не успокоится. Дай мне адреса родственников: тёток твоих в Самаре, брата Николая, родственников отца. Ты же знаешь их адреса.

Эйде заметалась по комнате, перебирая дрожащими руками блокноты с заметками. Выписала все адреса родственников, отдала бумагу сыну. Накидала короткие записки самарским тёткам, брату, тоже живущему в Самаре.

– Иво, детка! Денег у меня, как всегда, нет. Как ты поедешь?

– Небольшая сумма у меня есть. Женька даст ещё сколько-то. Но ему тоже нужно скрыться – значит, понадобятся деньги. Мамочка! Всё будет хорошо. Я вернусь через месяц. Обещаю тебе, не пропаду. «Тойоту» спрячу в надёжном месте – в гараже у друзей. Женька тем временем постарается закрыть дело – ему поможет двоюродный брат. Это он – крутой, а не Женька. До свидания, мама! – Иво поцеловал мать в щёку, обнял её ещё раз и, открыв дверь, быстро пошёл к машине.

– Деточка моя! – рыдала Эйде, бродя из комнаты в кухню. – Увижу ли тебя ещё когда-нибудь? Как ты будешь выживать, когда закончатся деньги? А они закончатся и очень скоро! Милый мой, глупый мой мальчик! За что всё это выпало тебе? Почему именно ты должен ехать неизвестно куда и без денег! На погибель...

Эйде знала, что всё рухнуло и уже никогда не будет прежней, пусть голодной, но нормальной жизни. Так вот что означало появление во сне странного жёлтого карлика в кимоно. Это был знак, что в дом пришла беда.

Глава вторая. Скиталец

1.

Выйдя из подъезда, Иво огляделся – нет ли чего-то подозрительного. Полукруглая площадь между пятиэтажками была пуста. Она ярко освещалась огнями домов и высокими фонарями, выстроенными вдоль проезжей части. Дурашливо носился, шлёпая длинными ушами, только пёстрый сеттер – он всегда бегал один, без хозяина. Его ошейник с металлическими заклёпками в жёлтом электрическом свете казался серебряным украшением.

На скамейке сидел толстый важный кот, сверкая изумрудами глаз. Всё было таким же, как и всегда, но что-то неуловимо изменилось – в сознании, словно колючий живой шар, висело ощущение потери чего-то невозвратно светлого, уютного, родного. Иво быстро прошёл к машине, уселся на сидение и, взяв с места на максимальной скорости, двинулся сначала влево, потом, крутнувшись на повороте, выехал на трассу.

Он гнал свою «Тойоту», петляя по лесу, считая повороты. Перед последним вышел из машины, пробрался в темноте лесом к остановке, снова осмотрелся. На перекрёстке топтались два запоздавших пассажира. Слышно было, как они беседуют, ругая каких-то депутатов. Ментов не видно, значит, путь открыт. Можно смело выезжать из леса – дальше дорога идёт по прямой, без поворотов. Обзор и сзади, и спереди – несколько километров. Лесной тропинкой Иво вернулся к машине, снова резко рванул с места и, не снижая скорости, повернул на основную трассу.

«Тойота» послушно летела по ровному асфальту, послышался мелодичный звуковой сигнал – предупреждение водителю о слишком высокой скорости. Иво не обратил на это внимания – он постоянно носился по дорогам, как Безумный Макс из его любимого фильма. А сейчас это было просто необходимо – чем скорее доберётся до гаража, тем меньше риск попасть на удочку ментам.

Перед въездом в город Иво решил дальше пробираться горой – там глухие места, улицы останутся в стороне. Но, в конце концов, ему всё равно придётся спуститься в жилые кварталы – иначе не попасть в нужное место. Его «Тойота» будет спрятана в одном из гаражей у брата Женьки. Брату было уже сорок лет, он давно интересовался прибыльными делами – так он говорил. Иво знал пока только одно – брат Женьки по прозвищу Казак имел большое влияние в городе и занимался всем: авторемонт, торговал недорогими машинами, имел несколько киосков и магазин. На этого парня они и работали – развозили товары по торговым точкам, пока Женька не влип в историю с угоном.

Но не забывали и себя. Женька показал, как можно легко изготовить универсальную отмычку к машинам. Иво после нескольких попыток понял, что природа наградила его умелыми руками. И он пользовался этим – вещи, изъятые из богатых чужих автомобилей, шли в общий доход.

Иво спускался по ярко освещённому Барнаульскому Взвозу, внимательно глядя по сторонам – сейчас, на последних метрах пути не хотелось встретиться с ГАИ или ментами. Он благополучно выехал на Иркутскую и свернул в темноту – в сторону гаражей. Женька ждал его. Задвинув машину под крышу, Иво вышел наружу. Было раннее утро, вернее, предрасветный час. Звёзды еле видимые на сером небе, подмигивали как всегда весело и беззаботно.

Странная тяжёлая тоска навалилась на Иво. Ощущение нереальности происходящего выбивало из колеи. Не хотелось верить, что сейчас ему нужно отправляться на станцию и в товарном вагоне тайком отправляться в неведомый путь. О нормальном способе отъезда

не приходилось и думать. Пересесть в пассажирский поезд можно будет только в Новосибирске.

Громко лязгнула железная дверь – Женька закрыл гараж, обернулся и сказал:

– Ну, давай, брат, прощаться. Я, думаю, ненадолго. Казак обещал замять дело. Раз обещал, сделает. Звони, короче – узнавай. Ни пуха!

– К чёрту! – ответил Иво.

2.

Он брёл в рассветных сумерках, петляя между деревянных домов. Из дворов лениво лаяли сонные собаки, кое-где уже горели огни. Люди собирались на работу. Покоем и уютom веяло от этих тихих домишек, от высоких и низких труб, торчащих над крышами, резных деревянных ворот. Иво не хотелось покидать узкую улочку, словно здесь он мог найти убежище.

До станции оставалось примерно пятнадцать минут хода. Выйдя на пути, Иво ускорил шаг – впереди, пока ещё далеко от него, серой длинной громадой был виден товарный поезд. Он отправлялся через полчаса – Иво знал это.

Легко забрался в товарняк. В нескольких вагонах, видимо такими же путешественниками, как он, были проломлены боковые лазы. Их заделали кое-как, где досками, где толстой фанерой, но нарушить заплаты ничего не стоило. Иво забрался в вагон, до верха загруженный картонными коробками, заделал изнутри дыру и притаился. Сейчас пойдёт проверяющий – нужно остаться незамеченным.

Через пять минут стало слышно, как два человека движутся вдоль состава, приближаясь к вагону Иво. Они стучали по колодкам, по узлам соединений, переговаривались. Постояли почти рядом с лазом, закурили и прошли мимо. Иво перекрестился, с облегчением вздохнул.

– Ну, всё! Теперь, считай, уехал, – прошептал он.

Когда поезд тронулся, распечатал одну из коробок и обнаружил, что ему крупно повезло – там была знаменитая бийская тушёнка. Только сейчас почувствовал, насколько голоден.

Складным ножом вскрыл сразу две банки и съел тушёнку в один присест. Подумал немного, достал из ящика ещё одну жестянку и снова съел мясо, глотая его прямо кусками. Вот теперь он сыт.

Сразу же навалился сон – глаза закрывались сами собой. Мерный стук колёс на стыках рельсов убаюкивал и убеждал, что движение продлится долго, что здесь Иво в безопасности. Лёг на стружки, в обилии натолканные между рядами ящиков и, вдыхая их смолистый аромат, моментально уснул.

Во сне долго слышал, как вагон качает на поворотах, как выбивают барабанную дробь колёса на длинных спусках, но потом слух отключился. Иво спал крепко, словно дома на цветной маминой подушке, а товарняк уносил его всё дальше и дальше от прежней спокойной жизни.

Где-то на разъездах поезд останавливался ненадолго, потом, пыхтя, снова трогался в путь, оставляя позади красно-белые будки обходчиков, какие-то деревушки из трёх домов, морды коров, торчащие из пригонов, стога сена...

Иво спал, и ничего не снилось ему в этом долгом и одиноком пути. Он так устал за последние три дня, как никогда не уставал раньше. Угроза тюрьмы и погони висела в сознании какой-то осязаемо громоздкой и тяжёлой конструкцией – не позволяла расслабиться даже на минуту. Это напряжение и давало о себе знать сейчас.

3.

Иво проснулся оттого, что услышал голоса людей, быстрые шаги вдоль перрона, далёкий шум города, лязганье железа о железо – поезд остановился на какой-то станции. Выглянув в щель, Иво увидел, что товарняк расположился на третьем пути, а его вагон стоял напротив здания вокзала. Это уже был Новосибирск – Иво проспал почти десять часов. Нужно уходить из вагона и попытаться пересест в пассажирский. Уложил в пакет, который всегда носил с собой, несколько банок тушёнки и тем же путём выбрался наружу, оказавшись между двух товарных составов.

Пробрался под вагоном, поднялся на перрон и направился к вокзалу. Глазами старался охватить окружающее пространство, чтобы не наткнуться на милицию или ОМОН. Но никто не обращал на него внимания. Убедившись в этом, Иво уже намеренно прошёл мимо милицейского поста на второй этаж, где находился кассовый зал. Пристроился в конец длинной очереди, отстоял её и купил плацкартный билет до Оренбурга. В Оренбургской области в городе Ново-Троицке проживал родной брат отца Валерий.

Этот дядька, бывший военный, полковник в отставке, занимал какой-то важный пост – не то мэра города, не то зама. Иво рассчитывал некоторое время пожить у него, тем более что родственник явно не голодал, скорее наоборот. Теперь оставалось только ждать – до отхода поезда ещё целый час.

Иво прошёл в зал для пассажиров, устроился на мягкой скамейке и стал пристально оглядывать публику. Не заметив ничего подозрительного, успокоился и, повернувшись вполоборота, краем глаза наблюдал за экраном телевизора. Там, в цветном изображении Валерий Леонтьев танцевал и пел своего «Казанову».

– Позолоти ручку, – услышал Иво хрипловатый молодой голосок.

Перед ним стояла цыганка в бордовой бархатной юбке. Складки ткани качались в такт её плавным движениям, отливая сиреневыми и алыми, а порою серебристыми оттенками. Светло-розовая шерстяная кофточка с полудлинным рукавом тесно облегла точёную фигурку. Эта юная особа напоминала индийскую богиню. Её большие чёрные глаза смотрели спокойно и мудро, словно она прожила на свете тысячу лет.

- А за что тебе ручку позолотить? – улыбнулся Иво. – Что ты можешь?
- Могу рассказать, что ждёт тебя в будущем, – серьёзно ответила богиня.
- Рассказывай, – согласился Иво и вытащил из пакета банку тушёнки.
- А денег нет? – спросила девчонка.
- Вот этого как раз и нет, – снова улыбнулся Иво.

– Ладно, давай тушёнку. А ждёт тебя вот что. Если не бросишь своих друзей, погибнешь в двадцать девять лет. И жизнь станет такой трудной, что ты будешь рад своей гибели. Вспомнишь тогда меня и то, что я сказала.

– И это всё? – удивился Иво.

– Нет, не всё. Бросишь друзей – женишься, родишь сына.

– А ты не врешь? – засмеялся Иво.

– Сам увидишь, зачем мне врать! А сейчас ты доберёшься туда, куда едешь, и всё будет хорошо. Ну, давай ещё банку, я заработала.

Богиня улыбнулась, наконец, ослепительно и лукаво, резко повернулась на высоком каблуке и степенно двинулась вдоль скамеек, словно бы танцуя на ходу.

Иво проводил глазами юную прорицательницу. Ему ещё хотелось поговорить с ней, спросить, почему он должен бросить друзей. Он так не считал, хотя и попал из-за Женьки в эту дурацкую историю с угоном девятки. Теперь у него в родном городе будет вечный враг – сутенёр, хозяин разбитой машины. Но Иво всё равно надеялся на Женьку и помощь Казака. Так что не права цыганка, хотя и очень ему понравилась. Конечно, она кокетничала, ей нужны были деньги – вот и врала то, что придёт на ум.

Однако, что-то зацепило его в короткой беседе. И он понял – её пророчество совпало с той случайно брошенной детским врачом фразой: «С такими глазами долго не живут». Это врач фтизиатр сказал о нём – о его синих глазах с длинными ресницами.

– Всё равно неправда! – вслух произнёс Иво. – Я проживу до ста лет, и вообще – не умру!

– Скорый поезд Новосибирск – Москва прибывает на четвёртый путь, – размеренно и равнодушно сообщил женский голос. – Просим пассажиров пройти на посадку.

Иво шёл подземным коридором и мысленно спорил с цыганкой:

– Врешь ты всё! Не может такого быть. И друзья здесь ни причём – они у меня классные! Я их никогда не брошу. А то, что мы с Женькой влипли – так это случайность. С каждым может произойти.

4.

Иво устроился на верхней полке и долго наблюдал, как за окном мелькали полустанки, лесные массивы, холмы и поля. Постепенно опустились сумерки. На далёкой кромке горизонта появилось красно-жёлтое зарево – это всходила полная луна. Скорый поезд мчался без остановок, выговаривая на ходу: «Так-так, так-так; тук-тук, тук-тук».

Странно, но под этот ритмичный говор Иво как-то успокоился. Даже колючие волны тревоги перестали доставать его. Казалось, он просто едет в гости, что его ждут и примут с радостью. Не хотелось думать о другом – о том, что будет, если дядька выставит непрошеного гостя за дверь. Особенно, когда узнает, что Иво в бегах. Денег больше нет, и кроме дядьки надеяться не на кого.

Слушая песню колёс, Иво уснул и во сне снова увидел юную цыганку. Она танцевала индийский танец, гибкая и ослепительная, что-то выговаривая руками, украшенными золотыми браслетами. Он подошёл к ней, положил одну руку на талию, другой взял её тонкое

запястье. Они закружились в вальсе. На юной богине вдруг оказалось белое, кружевное, пышное, как морская пена, платье.

Они плыли, почти летели, в огромном голубом зале, где на высоких окнах вместо штор сияли тончайшие золотые кружева. Золотые блики металась по голубым стенам, по лицу юной богини, окрашивали золотистыми узорами её белоснежное платье. Потом откуда-то с неба пошёл золотой дождь. Это было так красиво!

Иво проснулся, выглянул в окно – поезд по-прежнему старательно выговаривал: «Так-так, тук-тук». По-прежнему летели мимо полустанки и деревеньки. Приближался рассвет. Через сутки Иво прибудет в Оренбург. Пассажиры ещё спали, в вагоне стояла тишина. Иво спустился с полки, вышел в тамбур покурить. В углу стоял небольшого роста мужичок. Лицо, руки и одежда его были так черны, что с первого взгляда становилось ясно – это бомж.

– Парниша, дай закурить, – прохрипел он.

Иво прикурил сигарету и подал ему. Они молча дымили, глядя в окно. Потом Иво сказал: «Ну, будь здоров!» И, повернувшись к двери, вошёл в вагон. Ему не хотелось разговаривать, любопытствовать, как человек дошёл до жизни такой. Неизвестно, каким станет сам Иво через месяц.

Поезд приближался к какой-то станции – ход состава замедлился, колёса отстукивали неравномерный ритм на развилках рельсовых путей. Наконец, мимо проплыла большая вывеска с голубыми буквами: «Златоуст».

Город с красивым названием раскинулся на крутой горе. Сияя огнями в предрассветной темноте, он напоминал новогоднюю ёлку. Это впечатление усиливала вдруг начавшаяся весенняя верховая метель. Она кидала снег горстями в праздничное утреннее лицо Златоуста, засыпая его блёстками, закручивала снежные вихри, танцуя то вдоль проспектов, то, спускаясь с горы, шагая с верхних улиц на нижние.

Иво с восхищением рассматривал возникшее за окном чудо – сверкающий, танцующий, праздничный Златоуст.

5.

Оренбург встретил Иво ледяным ветром и дождём со снегом. В Ново-Троицк нужно было добираться автобусом. Деньги кончились ещё в Новосибирске, поэтому оставался только один вариант – попутки. Иво зайцем доехал на трамвае до окраины города, вышел на трассу и встал на обочине. Тяжёлые мокрые снежинки налипали на одежду, секли лицо. Ветер тоже делал своё дело. Иво продрог, но ни одна машина не останавливалась.

Когда отсырели и замёрзли ноги, решил идти пешком, чтобы разогреться. На ходу ноги отошли, но куртка уже промокла на плечах, и холод пробирал теперь сверху. Иво поднимал руку перед каждой машиной, но никто не реагировал на его жесты – и легковые, и грузовые неслись мимо, разбрасывая колёсами грязные ошмётки. Поэтому каждый раз приходилось отодвигаться на обочину.

Он обернулся – его догонял тяжело гружёный КАМАЗ. Двойной прицеп болтало на поворотах. Без всякой надежды Иво махнул рукой. Грузовик затормозил, инерция протащила его вперёд, но – о, чудо! – машина остановилась, и водитель даже открыл дверцу для пассажира. Иво по высокой ступеньке взобрался в кабину.

– Спасибо, что подобрали, – сказал он, – думал, придётся идти пешком до самого города.
– Далеко, однако, – улыбнулся парень, – сто пятьдесят вёрст.
– Знаю, но денег нет, а добираться нужно.
– Я так и понял, – откликнулся шофёр, – поэтому и остановился. А что за нужда погнала тебя пешком?

– Еду с Алтая на похороны, – на всякий случай соврал Иво, – а деньги в поезде украли.
– Обычное дело. Успеваешь на похороны-то?
– Теперь успею, – сказал Иво. – Спасибо тебе!
– Кто умер, родственник?
– Тётка, – ответил Иво, – отцова сестра.
– А сам отец где?
– Он на Дальнем Востоке – не успеет приехать, да и денег нет.
– Да, – согласился водитель, – теперь деньги только у бандитов да олигархов. У народа денег нет.

КАМАЗ ревел на подъёме, снег лепил по стеклу, таял, капли длинными дорожками разбегались в стороны, дворники сталкивали воду вниз, на минуту освобождая обзор. Потом всё начиналось снова. В кабине было тепло. Несмотря на промокшую одежду и обувь, Иво согрелся и задремал.

6.

Водитель КАМАЗа примерно рассказал, как добираться до улицы Партизанской, поэтому Иво сразу же уселся в трамвай номер три – за последние годы безденежья он стал зайцем-профессионалом. Трамвай петлял своим причудливым маршрутом. Иво рассматривал город. Ново-Троицк был похож на все маленькие города, которые Иво приходилось видеть раньше. Пяти- и девятиэтажные жёлтые и серые жилые кварталы, более старые кирпичные постройки, выделяющиеся из общего строя своей основательностью административные здания – всё как везде. Ничего примечательного.

Порой Иво казалось, что едет по родному городу – так некоторые улицы напоминали Бийск. И только нестандартные приметы – церковь с непривычно острым шпилем, высокий кинотеатр, названия улиц – говорили о том, что это чужой город.

Иво вышел на кольце и направился в сторону городка коттеджей. Неказистое богатство выпирало здесь на каждом шагу. Его обитатели не отличались фантазией. Здания, карикатурно напоминающие дворянские поместья, отгородились от мира высоченными бетонными заборами. Над этими глухими стенами возвышались чугунные шпили, петушки, орлы и прочие украшения, придуманные доморощенными архитекторами. Над крышей одного из них даже торчал, странно меняя пейзаж, огромный Мальтийский крест.

Особняк под номером пятнадцать ничем не отличался от других – тот же бетонный забор с окошечком и звонком на воротах. Иво три раза нажал на кнопку, но никакого движения

внутри двора не возникло. Позвонив ещё раз, услышал шаги. В прорезь окошечка увидел женщину лет сорока пяти.

- Иду, иду, – говорила она певуче, – кто там?
- Тётя Надя, это ваш племянник Иво. Я приехал в гости из Бийска.
- А ты не врешь? У меня здесь охранник имеется – он сейчас обедает.
- Да вы посмотрите на меня – я же вылитый отец. Вы его знаете, видели много раз. У меня и паспорт есть.

В окошечко выглянуло красивое тёткино лицо – тёмные аккуратные веснушки украшали его ещё больше.

- Ну, покажись, покажись, – пропела она, – точно, вылитый отец. Не спутаешь ни с кем! На всякий случай, дай-ка паспорт. Да, это мой племянник! Ну, заходи – гостем будешь!
- Она открыла ворота, отступила на шаг и пропустила Иво во двор.
- Проходи, как раз к обеду поспел. Голодный, небось, с дороги?

Они поднялись на высокое крыльцо по ковровой дорожке, вошли в дом и оказались в гостиной. Это была большая полукруглая комната, обставленная голубой мягкой мебелью. Окна в виде высоких арок с ажурными решётками открывали обзор на три стороны. В центре стоял резной овальный стол из карельской берёзы.

- Не хило живут, – подумал Иво, – не то, что мы с матерью.
- Пошли в столовую, – сказала тётка и повернула направо. За голубыми портьерами находился узкий коридорчик с паркетным полом, за ним – уютная квадратная комната. Там, за обеденным столом сидел парень в камуфляжной форме
- .
- Привет! – сказал Иво. – Обедаете? А я в гости приехал к тёте Наде и дяде Валере.
- Как зовут? – спросил охранник.
- Иво. А тебя?
- Алексей, – протянул руку охранник, – Лёша, в общем.

Иво, не торопясь, принялся за первое. Он страшно проголодался, но старался не показать этого. Мигом съел и второе и третье.

- Кому добавки? – спросила тётка.
- Иво не удержался и сказал:
- Добавьте ещё гуляша, очень вкусный. Сами готовили?
- Сама. Прислуги у нас нет, – сообщила тётка, – вся уборка, стирка, готовка – на мне, и твои братья помогают.
- А где они сейчас? – поинтересовался Иво.
- Сашка в институте – учится на педагога, Димка – в школе, десятый класс заканчивает. А ты чем занимаешься?

– Занимаюсь коммерцией, торгуем с друзьями всякой всячиной, – проговорил Иво, стараясь выглядеть как можно правдивее. – Вот сейчас выдалось окошечко, решил съездить в гости. А дядя Валера где-то работает?

– Он – большой человек, заместитель мэра Ново-Троицка, – с гордостью сказала тётка. – Вот заработал себе особняк. Мы здесь недавно обосновались, второй год всего. Ну, пока нравится – тихо, спокойно, лес рядом, река. Как мать, отец?

– Мать ходит на бесплатную работу, зарплату не получает. Отец уехал на Дальний Восток, не пишет. Наверное, женился, – ответил Иво.

– Да, он себя никогда сильно не утруждал. Всё искал, где лучше. Наверное, нашёл.

– Ну, пусть радуется, если нашёл, – поддержал тётку Иво.

– Но вас-то с матерью бросил! Трудностей не любит.

– Ничего, – сказал Иво, – мы и сами с усами.

– Да ты молодец! – удивилась тётка. – Самостоятельный.

7.

К вечеру домой вернулись братья. Иво отметил, что они тоже похожи на его отца, родного дядю – сразу видно – одна порода. Перезнакомились, показали каждый свою комнату. Аппаратуры у этих парней было – под завязку: японские музыкальные центры, видео, компьютеры. Иво засел за игры, тем более что первая же из них увлекла – он азартно проходил один уровень за другим. Братья тем временем занялись учёбой – готовили к завтрашнему дню домашние задания.

Дядя Валера приехал поздно. Поставил «Лэнд» в гараж – он сам водил машину. Увидев его, Иво даже вздрогнул – так дядя был похож на своего брата. Только лицо гладкое и представительное – лицо высокого военного чина, властного чиновника. Он обнял Иво, повернул его туда-сюда, разглядывая и улыбаясь.

– Родня! – восхитился дядя. – Все – на одно лицо! Вот что такое – гены. Ну, брат, рассказывай, как вы там, в Сибири, живёте?

– Нормально! Отец, правда, давно уехал на Дальний Восток. Мы с матерью вдвоём.

– Как мать? Работает? – видно было, что дяде и в самом деле интересно – он давно не приезжал в гости на Алтай.

– Работает, – сообщил Иво, – только бесплатно.

– Значит, капитализм и на Алтай добрался, – махнул рукой дядя. – Ладно, пошли ужинать.

Они долго сидели за столом, разговаривали. Дядя расспрашивал Иво обо всём – как выглядит город, какие предприятия работают, какие остановились, как живут люди – и сравнивал с жизнью своего уральского городка. Сравнение было не в пользу Алтая. Выяснилось, что в Ново-Троицке почти нет безработицы, зарплату везде платят. Люди не голодают, но и здесь бедствием стали бродяги, бомжи, бандиты.

– Численность милиции у нас выросла в полтора раза по сравнению с восемьдесят пятым годом, – сказал дядя, а Иво записал в памяти это сообщение.

– У нас тоже, – он спокойно продолжал есть отбивную, – я это знаю не понаслышке – мы с компаньонами постоянно ощущаем их «заботу». Торгуем, возим товары – без органов, как без рук!

– Ну, да, – согласился дядя. – Чем торгуете?

– Всякой всячиной – от игрушек до автомашин.

– И что? Жить можно?

- Как видите – я жив, здоров! – улыбнулся Иво.
- Я рад, что ты приехал, – поднял бокал с вином дядя, – давай – за тебя!

8.

В субботу всей семьёй начали строить сауну. Все материалы у дяди давно были заготовлены, аккуратно сложены под крышей, фундамент уже готов. Работа шла споро – четверо мужчин делали своё извечное дело – рубили сруб, укладывали брёвна, строгали, пилили... Иво нравилось плотницкое ремесло – он уже пробовал с отцом заниматься этим. Запах берёзовых и сосновых стружек, лёгкий весенний ветерок, синее небо с высокими перистыми облаками – казалось, он вернулся домой, к матери, и строит эту игрушечную сауну для неё.

Но голоса братьев, дяди возвращали в действительность. Иво с сожалением окидывал глазами большую усадьбу, и фантазия уступала место реальной картине. К обеду сруб заметно подрос – ярко светились янтарём ошкуренные брёвна, фасонисто выглядели на четыре стороны аккуратные углы, дверной проём в предбанник напоминал перевёрнутую букву «п». Внутри из пола уже торчали заранее подведённые трубы водопровода – в предбаннике должен разместиться душ.

- Мужики! – любуясь работой, крикнул дядя. – Пошли обедать, мать зовёт.

При слове «мать» сердце Иво сжалось – она не знает, где он сейчас, наверняка не спит ночами. Но подать телеграмму или позвонить ей на работу боялся – вдруг розыск засечёт его местонахождение. Тогда придётся бежать дальше – в неизвестное. Пока есть возможность пожить здесь, надо это использовать.

Он задумался, сидя на бревне возле свежего сруба – обедать не хотелось. Желудок давно уже привык к одноразовому питанию – голод давал о себе знать только к вечеру. Это стало вынужденной многолетней привычкой.

- И-и-во! – позвала его тётка с крыльца. – Где ты? Мы ждём!

Он поднялся и двинулся к дому. В столовой было шумно – мужчины довольно обсуждали свои успехи. Стол ломился от яств – тётка приготовила ярко-малиновый густой борщ, жареного гуся, напекла пирожков с ягодами и капустой.

Иво принялся за еду и тут же вспомнил о матери – она, как всегда в последние годы, конечно, голодает. Он зримо представил себе белую кастрюльку с голубыми цветочками на боку, а на дне – сероватую овсяную кашу. Слава богу, если есть каша. А то и...

9.

Сауну строили по выходным. В рабочие дни Иво один делал, что мог – выкладывал шлифованным щебнем угол, где будет размещаться каменка, готовил переплёты рам для маленьких двойных окон – они должны находиться под потолком и освещать сауну днём. Выпиливал резьбу для украшения стен, крыши, дверей. Эскизы он рисовал сам. Дядя очень хвалил Иво – ему нравились деревянные узоры, придуманные племянником.

Прошло три недели – сауна, как волшебный теремок, заняла почётный правый угол большой усадьбы. В очередную субботу сантехники подключили баньку к водопроводу. Это был большой семейный праздник.

Дядя затопил берёзовыми дровами миниатюрную печь, потом подкинул в топку сосны, черёмухи, снова – берёзы. Когда в сауне стало так жарко, что буквально сворачивались в трубочку уши, дядя надел ватную шапку, взял распаренный веничек из молодых берёзовых веток, плеснул чуток на каменку и полез на верхнюю полку.

– Мужики, за мной! – крикнул он.

Один из братьев последовал за отцом. Иво и Димка остались снаружи – на резной лавочке, пристроенной к стене предбанника. Они ждали своей очереди – сауна не велика, вмещает только двоих. Зато потом, когда они окажутся на верхней лавочке да возле каменки!..

Иво хлестался ароматным пушистым веником, пот градом катился по лицу и телу. Когда уже не было сил терпеть жар, выскочил в предбанник, включил душ и моментально облился холодной водой. Тело горело, розовая кожа дышала и медленно остывала, какое-то сладкое ощущение охватило Иво – чувство лёгкости и чистоты.

Он впервые побывал в сауне, раньше знал только парную баньку. Но сухой пар сауны, знойный почти пустынный климат её, сильнее очищал тело и кожу, поэтому такую лёгкость Иво испытал впервые. Это и вправду праздник – сауна, построенная своими руками.

Обед в этот день был тоже праздничным, а на десерт тётка внесла огромный клубничный торт.

После обеда она сказала:

– Иво, я зарегистрировала тебя, как временно проживающего. Это необходимо, а то твоего дядю обвинят в нарушении паспортного режима. Он – лицо ответственное, ему нельзя ничего нарушать. Вот, возьми паспорт.

– Сп-пасибо, – заикаясь выдавил Иво. А про себя с отчаянием подумал: «Вот дурак! Надо было паспорт спрятать. Теперь придётся уезжать».

10.

Денег на дорогу до Самары дал дядя, добавил немного и на жизнь. Тётка проводила Иво до автовокзала, помахала рукой на прощанье. Когда автобус тронулся, Иво высунулся в окно, крикнул: «Спасибо вам за всё! До встречи!» Жаль было покидать этот городок, просторный дом дяди, но оставаться здесь уже нельзя. Временная регистрация – это информация для розыска.

Автобус катил по той самой дороге, где Иво сначала шёл пешком, потом ехал на КАМАЗе – с горки на горку, по широкой равнине, вдоль лесных опушек, лесополос... Ясный день сиял над трассой, солнце доставало пассажиров тёплыми лучами, слепило глаза.

Тревога снова взяла Иво в колючие тиски. Он невольно всё возвращался и возвращался к одной и той же мысли – не задержат ли его на вокзале в Оренбурге или в поезде. А вдруг

на него разослана ориентировка? Может быть, он зря сорвался с места – надо было рассказать всю правду дяде. Он бы помог. Но дело сделано – не возвращаться же обратно.

На вокзале Иво надвинул кепку на глаза и, зорко глядя по сторонам, несколько раз прошёл мимо милицейского поста – ничего подозрительного не обнаружилось. Тогда он рискнул подняться в кассовый зал. Ему достался билет на скорый поезд «Новосибирск – Краснодар», который шёл через Самару. И время отправления было удачным – поезд уже стоял на первом пути, вот-вот должна начаться посадка. Иво вышел на перрон и закурил, прошёлся вдоль состава, отыскал свой пятый вагон.

– Граждане пассажиры! – ожил громкоговоритель. – Объявляется посадка на скорый поезд «Новосибирск – Краснодар». Время отправления...

С лязгом открылась зелёная дверца вагона, появилась проводница в фирменном пиджаке. Она подняла металлическую крышку, освобождая крутую лестницу, стала проверять билеты. Иво докурил сигарету и вошёл в тамбур. Разыскал своё место. Постепенно вагон заполнился пассажирами, стало шумно. В плацкартное купе набилось шесть человек. Кто-то сразу же уселся ужинать, кто-то пошёл за чаем, а пассажиры с верхних полок улеглись спать.

Иво долго сидел, наблюдая за картинами, мелькающими за окном, и каждый раз вздрагивал, когда по вагонам проходил наряд железнодорожной милиции, выборочно проверяя паспорта. Парня из соседнего купе заставили не только показать документ, но и обыскали его вещи. Видно было, что ему неудобно от соседей, противно от непонятных подозрений, но сделать ничего нельзя – сопротивляться себе дороже.

Иво мысленно сочувствовал соседу, но вмешиваться не стал. Он знал – стоит только сказать слово или посмотреть в их сторону неодобрительно, как стражи порядка тут же прицепятся и к нему. Нашли они что-нибудь у парня или нет, но по окончании обыска заставили его взять багаж и куда-то увели.

Стало мерзко и беспросветно на душе. Иво знал, что так всегда отзывается в нём любая несправедливость. Он изо всех сил старался вычеркнуть из памяти эту сцену, потому что изменить ничего всё равно было нельзя. Разложив постель, Иво улёгся и закрылся простыней, отгородившись от вагонной жизни хотя бы такой призрачной защитой.

11.

Через полтора дня скорый прибыл в Самару. Локомотив протащил вагоны до вокзала, который находился пока в старом невзрачном здании. А справа, рядом с древними тесными постройками уже возвышалось просторное многоэтажное чудо – архитектура нового поколения. Там со временем и должен был разместиться самарский вокзал. Тёмные зеркальные стены сверкали через паутину деревянных лесов – строители завершали центральную часть здания причудливым куполом.

Иво залюбовался их слаженной работой, но время уже клонилось к вечеру – нужно было добираться до места. Он решил сначала навеститься к тёткам, вернее ему они приходились двоюродными бабушками по линии матери. Он выбрался на трамвайную линию (так было написано в адресе) и спросил у ожидающих, как ему лучше проехать до остановки «Улица Карбы-

шева». Когда прибыл новенький цветной вагончик – двадцать третий номер, Иво уселся у окна на мягкое сиденье и приготовился к знакомству с Самарой.

Трамвай старательно выстукивал колесами какую-то ритмическую мелодию и катился мимо старинных светло-жёлтых громоздких построек, проехал мимо большого крытого рынка. Промелькнул на повороте красочно оформленный магазин игрушек «Остров сокровищ».

Вагончик выбрался на проспект Ленина – это сообщали угловые таблички, украшавшие здания. Надписи на них выполнены крупным тёмно-синим шрифтом – номера домов были видны издалека. Иво вспомнил узкие улочки своего родного города – там таблички с адресом можно прочесть только, подойдя вплотную. Значит, в Самаре хороший градоначальник – заботится о жителях и гостях города.

Следующей остановкой оказался большой кинотеатр «Звезда». Два автомобиля, стоящие на площади на наклонных постаментах навстречу друг другу, удачно вписывались в дизайн заведения. Они гармонировали с огромной афишей. «Погоня за призраком», – вещала светящаяся надпись на электронном транспаранте.

Иво с интересом рассматривал город, высотные здания, изобретательную рекламу – щиты с меняющимися картинками, бегущими надписями. В Бийске такого не увидишь – там хозяева пока не утруждают себя подобными расходами. Да и что рекламировать – денег у людей в Сибири всё равно нет.

«Остановка Карбышева», – сообщил женский голос. Иво вышел на широкую улицу с двусторонним движением. Темнело. За силуэтами домов просвечивало на западе холодное вечернее небо, чуть окрашенное желтизной заката. Иво долго разыскивал дом с номером семьдесят. Это была стандартная панельная пятиэтажка. Он вошёл в первый подъезд, поднялся на второй этаж и позвонил в квартиру под номером шесть.

Слышно было, как кто-то подошёл к двойной двери, открыл внутреннюю и прислонился к глазку.

- Что надо? – донеслось из-за железной преграды.
- Тётя Тамара, это я – ваш внучатый племянник Иво, приехал в гости из Бийска, привёз вам письмо от матери.
- Я не открою, – сказала тётка, – письмо брось в почтовый ящик. Завтра заберу.
- Но мне негде ночевать, я же приехал к вам, – как можно жалобней сказал Иво.
- Ночуешь на вокзале или в гостинице. Завтра днём придёшь, я посмотрю паспорт, – спокойно и скрипуче ответила тётка и захлопнула дверь.

Иво снова позвонил, настойчиво и уверенно. Процедура повторилась в том же порядке. Когда осмотр через глазок был закончен, тётка взревела:

- Я же сказала тебе – завтра! И не звони больше, а то вызову охрану.
- Иво осмотрел дверь – над нею, действительно, был укреплен блок охранной сигнализации.

– Ну, чёрт с тобой! – в сердцах пнул он косяк и стал спускаться к выходу. Стоя на крыльце, Иво задумался – что теперь? Придётся ехать к брату матери. Он живёт в другом районе города.

Иво не представлял, где находится этот район и проспект, обозначенный в адресе. Ночью поиск будет ещё труднее, чем днём. Но искать придётся.

На проспект Metallургов Иво добрался в полночь. Он был почти уверен, что и здесь его не пустят на ночлег, но ошибся. Дверь в квартире номер сорок на пятом этаже оказалась открытой. Изнутри доносились голоса, негромкая музыка... Иво прислушался. Молодой мужской голос читал нараспев:

Фанты, фантики, фантишки —
игры взрослых и детей.
Деньги, чувства, мысли – фишки
тайно брошенных сетей.
Поплавок ушёл под воду —
клюнул новенький дурак.
И ни солнца, ни погоды —
у меня клюёт и так!

– Bravo! Bravo! – раздались хлопки, послышался звон бокалов.

– Владимир, ты талант! – настойчиво вещал высокий женский голос. – Теперь читаем стихи по кругу! Начинает Николай!

Иво нажал кнопку входного звонка, приоткрыл дверь и вошёл.

12.

Проснулся Иво в девять утра. Николай всё ещё спал. Квартира после вчерашнего собрания напоминала поле боя. Стол завален остатками закуски, грязной посудой, пол затоптан, на кухне – свалка из пластиковых и стеклянных бутылок, на плите что-то пригорело. Кто-то вытер руки о занавеску на окне.

– Да-а! – сказал Иво неодобрительно. – Женька нам не разрешал такого безобразия!

Он, заварил чай и принялся за уборку. Через час квартира преобразилась.

– О! Что сие значит? – удивился Николай, продрав глаза. Он обвёл комнату взглядом. – Твоя работа?

– Моя, – не скрывая гордости, сообщил Иво.

– Ну, ты даёшь! Зря, брат, старался. К вечеру будет то же самое.

– Это почему же? – недовольно спросил Иво.

– Потому что к обеду народ снова начнёт сползаться ко мне. Сегодня же выходной. Да и в рабочие дни вечером здесь всегда люди.

– Ты что – всех кормишь, поишь, а они за это тебя баснями пичкают? Наслушался я вчера! Гони ты всех этих сочинителей! Когда у тебя будет нечего пожрать, они все разбегутся. И никто из них не пригласит тебя к себе. Ты что, не понимаешь этого? – отчитывал Иво своего взрослого дядьку.

– Но я ведь сам пишу стихи. Мне же надо общаться с кем-то. С женой мы развелись четыре года назад.

– Пока общаться будешь со мной, – решительно заявил Иво. – Ты радуйся, что тебя ещё не обворовали эти твои друзья. Кто-то из них поэт, а кто-то – наоборот. Я вчера присмотрелся.

– Ладно, – согласился Николай, – может быть, ты и прав. Я пойду подам телеграмму твоей матери, что ты здесь.

– Знаешь, напиши ей: «Всё в порядке. Николай». И больше ничего – она поймёт. Мне нельзя светиться – я почти в бегах.

– Серьёзное что-то? – поинтересовался Николай.

– Да, нет. Но побережься не мешает.

В одиннадцать зазвенел входной звонок. Иво открыл дверь. Задев его плечом, мимо молча продефилировал хмурый высокий тип. Он уселся в кресло и положил ноги на табуретку.

– Ты кто? – спросил он, бесцеремонно глядя на Иво снизу вверх.

– А ты кто? – тем же тоном подхватил Иво.

– Я – друг Николая. Здесь бываю почти каждый день. Он что – пошёл в магазин?

– Ну, да. Тебе же выпить надо? – иронически подтвердил Иво.

– А тебе не надо что ли? – удивился пришелец.

– Я манную кашу люблю, – спокойно сказал Иво. – Ладно, посидел и хватит – иди гуляй!

– Не понял!? – удивился гость ещё больше.

– Теперь здесь я буду жить. А Николай уехал.

– Ты врешь да не завирайся, – нагло заявил высокий.

Иво молча взял его за воротник и потащил к выходу, потом вытолкнул за дверь. Незванный гость пытался цепляться за косяки, но Иво был сильнее.

– Больше не приходи! – спокойно бросил он вслед пришельцу.

Через десять минут звонок снова зазвенел. Теперь за дверью стояла вульгарного вида девица. Иво, учтя предыдущие ошибки, загородил проём, упершись руками в металлическую коробку.

– Николая нет и не будет, – сразу объявил он.

– Как? Мы же договорились! Он обещал быть, – улыбалась крашенная сирена.

– Чрезвычайные обстоятельства не позволили ему выполнить обещание. Я извиняюсь за него. Теперь его *долго* не будет, – подчеркнул Иво.

– Очень жаль. Но я могу войти? – настаивала девица.

– Я бы рад пообщаться с вами, но ухожу на службу и очень тороплюсь. Простите, – он закрыл дверь и задвинул металлическую щеколду.

Звонки следовали один за другим. Иво справлялся с гостями дипломатически и уверенно. Когда был отправлен восвояси восьмой участник вечных посиделок, вернулся Николай.

– Телеграмму отправил, – сообщил он. – Вот пока есть деньги, купил колбасы, хлеба и вина. Давай отметим твой приезд.

Они завтракали на кухне, потом пили чай. Дядька рассказал Иво, что конструкторский отдел авиационного НИИ закрыли, людей сначала отправили на биржу, потом – на улицу. Так что он давно безработный. Деньги добывает мелкой торговлей – продаёт на рынке возле НИИ от маленькой фирмы биологически активные добавки – что-то похожее на витамины.

– Иногда зарабатываю в день на хлеб, масло и молоко, иногда – ничего. Последнее случается чаще. Вот так и живу, – говорил дядька, потягивая горячий чай из кружки.

– Так тяжело достаются деньги, и ты их разбазариваешь на этих прилипал! – возмутился Иво. – Выгоняй их на базар, пусть помёрзнут, поторгуют, тогда узнают, сколько стоит кусок колбасы.

– Если пропадёт товар, я не смогу рассчитаться с фирмой, – покачал головой дядька.

– Значит, им нельзя доверять, этим друзьям? Тогда держись от них подальше. Ладно, тебе неудобно, я понимаю. Но мне-то всё равно – я разгону эту компанию. Лучше сам лишний кусок съешь. А я завтра попробую тоже заработать, – пообещал Иво.

– Без самарской прописки и не мечтай – не возьмут никуда, даже грузчиком.

– Знаю, знаю, – улыбнулся Иво, – у меня свои секреты.

13.

В понедельник Николай рано утром ушёл на рынок. Компактный товар он переносил в двух квадратных сумках, похожих на чемоданы.

Иво завтракал в одиночестве, слушал записи – у дядьки была большая фонотека. Любимые группы Иво – «Наутилус», «Агата Кристи», «Алиса», «Би-2», «ДДТ», «Куин», «Ланден бит», «Европа» – всё это он нашёл и прослушивал одну кассету за другой. К трём часам Иво решил – пора выходить на «работу».

Он оделся и, повернув ключ в замке, быстро спустился по узкой лестнице. Выйдя на улицу Молодёжную, двинулся направо – в сторону вещевого и продуктового рынка. Прошел по рядам, присматриваясь к торговым точкам. Охраны или ОМОНа не заметил.

Надвинув кепку на глаза, изобразил на лице железную уверенность. В ближайшей продуктовой палатке, наклонившись к продавцу, быстро проговорил:

– Привет от Белого. Давай рассчитывайся.

– Мы платим Молоткову, – заявила девушка.

– Ну, так бы и сказала! Я же не беспредельщик!

Отойдя подальше, снова засунул в очередную продуктовую палатку:

– Привет от Молотка! Давай рассчитывайся! – произнёс он магическую фразу.

Девушка – продавец быстро накидала в пакет мясных консервов, кетчупа, копчёной колбасы, сгущённого молока, добавила банку майонеза и три бутылки пива.

– Всё, – сказала она, – это за неделю.

– Ладно, работай, – разрешил Иво и степенно направился к фруктовому прилавку. Там сценарий повторился с той лишь разницей, что в пакет были загружены фрукты. Держа в обеих руках увесистые «подарки», Иво быстро ретировался, покинув пределы рынка.

Вечером, когда вернулся усталый и голодный дядька, заработавший за день лишь на две булки хлеба, Иво усадил его за праздничный стол.

– Вот это да! – изумился Николай. – Где ты добыл эти продукты? Они же стоят бешеных денег!

– Секрет фирмы, – улыбнулся Иво, – много будешь знать, скоро состаришься.

- Ну, не украл же ты их?
- Зачем красть, когда дают добровольно.
- Ладно, бог с тобой! – махнул рукой дядька.

Они долго сидели за столом, разговаривая, как старые друзья. Трудно было поверить, что их знакомство состоялось всего двое суток назад.

– Ну, спасибо, друг! Давно я так не пировал, – сказал, наконец, Николай. – А всё-таки, рассказал бы, как тебе это удалось.

– Даже и не проси – всё равно ничего не получится. Фэйс у тебя не тот! Наглости нет, – встал Иво из-за стола. – Давай уберём посуду, наведём порядок.

– Может, завтра? – нехотя поднялся Николай.

– Нет, сейчас! Будешь лениться, грязью зарастёшь, форму потеряешь, – наставлял Иво.

– Ты прав, конечно, – согласился дядька.

14.

Как Летучий Голландец, Иво за три недели побывал с тем же сценарием и на других рынках. Он знал – появляться второй раз в тех же местах нельзя. Дальше надо было придумывать что-то другое.

Когда они с дядькой прожили голодом четыре дня, Иво решил выйти на «охоту» – заняться вскрытием автомобилей, стоящих без присмотра. За время работы на Казака он научился этому, стал виртуозом – любой автомобиль мог открыть за минуту. Пойти за помощью к бабушкам-тёткам Иво даже и не помышлял. За всё время жизни в Самаре он больше ни разу не посетил их. Дядька сказал, что бесполезно – от родственниц ждать нечего. Иво и сам понял это во время первого же посещения.

Утром, когда Николай ушёл на свой рынок, Иво отправился на прогулку по городу. В кармане у него лежала самодельная отмычка, сделанная из пинцета. По четвёртому маршруту трамвая Иво добрался до кинотеатра «Звезда». Там, как всегда, вся площадь перед дворцом была забита автомобилями. Их владельцы развлекались в баре, в боулинге или в кинозале.

Иво прошёлся между рядами плотно стоящих машин, определил взглядом, откуда лучше начать. Спокойно подошёл к притулившейся на краю «Ауди» и, вогнав отмычку в отверстие для ключа, одним движением открыл дверцу, мгновенно отключил сигнализацию. Никто не обратил внимания на его действия.

Усевшись на сидение, Иво осмотрел салон. Прихватив новенький японский магнитофон и толстый кошелек из «бардачка», вышел из машины и ленивым шагом направился в сторону остановки. Прыгнув в открытую дверь трамвая, с облегчением вздохнул.

– Слава те! Кажется, удачно! – пробормотал Иво, усаживаясь на сиденье. Совесть его не мучила – он знал, что элитный кинотеатр посещают далеко не бедные люди. В кошельке оказалась пачка российских купюр.

На эти деньги они с дядькой прожили только две недели, потому что Иво не удержался и просидел вечер в ресторане «Центральном». Ему было любопытно побывать в хорошем

ресторане в крупном городе. Но оказалось – он мало чем отличается от бийских или новосибирских заведений. Потраченных денег было жаль, но назад уже ничего не вернёшь.

На остаток Иво заказал переговоры на телефон Женькиной матери и узнал от неё, что дело об угоне «девятки» положили в архив, розыск закрыли – постарался Казак. Женька уже свободно передвигается по городу. Недоволен остался лишь хозяин разбитой машины, обещал добиться суда. Но Казак собирался уладить и этот вопрос.

Иво вышел с телеграфа в хорошем настроении – можно возвращаться домой. Он соскучился по матери, по друзьям. Оставалось одно – добыть денег на дорогу. Иво решил следующий день посвятить «охоте».

15.

Дядька предложил перед отъездом познакомиться с его дочерью Ларисой. Она жила в новом районе города на улице Стара Загора с мужем, работала в поликлинике, готовилась поступать в мединститут – собиралась стать женским врачом. Дядька очень гордился своей дочерью и с самого первого дня всё агитировал племянника поехать в гости.

Иво давно хотел встретиться с сестричкой, но никак не мог дозвониться до неё. Номер не отвечал. Может быть, уже принадлежал кому-то другому. Он знал от дядьки, что муж Ларисы богат – владелец строительной фирмы.

Вечером вдвоём с дядькой отправились в гости. Купили по дороге шампанского, букет цветов и шоколада. Квартира Ларисы находилась на двенадцатом этаже. На площадку выходила только одна дверь. Нажав кнопку звонка, Иво прислушался – изнутри донёсся громкий лай. Потом прошуршали шаги.

– Лариса, дочка! – с букетом вперёд сунулся дядька. – Давно тебя не видел, как ты? А это твой брат из Бийска – Иво. Хочет познакомиться.

Лариса, чем-то похожая на одну из тётушек – бабушек, улыбнулась и сказала ровным голоском:

– Проходите. Раздевайтесь.

За её спиной громоздился огромный рыжий сенбернар. Он зарычал глухо и недовольно, не разжимая челюстей.

– Гамлет! – сказала хозяйка. – Марш на коврик! Лежать!

Пёс посмотрел на гостей снизу вверх, закатывая под лоб красные глаза, и с ворчанием отправился на лежанку. Долго ворочался на цветном толстом коврике, потом положил большую голову на лапы, успокоился.

Иво осторожно прошёл мимо широкой собачьей морды и оказался в просторной гостиной. Янтарный паркет, янтарная итальянская мебель, жемчужно-жёлтые стены, отделанные дубом – везде натуральное дерево. На окнах – золотые шторы. В одну из приоткрытых дверей Иво увидел далеко убегающий широкий коридор, тоже отделанный деревом. На обе стороны его выходили восемь дверей. Квартира была похожа на дворянские апартаменты.

– Ай, да, сестричка! – подумал он, с восхищением разглядывая античную вазу, с рисунком под золото, на резном дубовом столе.

Лариса быстро расставила три прибора, множество закусок, причудливо смотревшихся на хрустале. Внесла красивую большую бутылку с тёмно-красным вином. Дядька водрузил в центр шампанское и разломанный на дольки шоколад.

– Прошу всех садиться, – сказала Лариса.

Иво снова поразился её ровному, без интонаций, голосу. Казалось, говорит кукла Барби.

– Ну, сестричка, – поднял Иво бокал шампанского, – за тебя! За твои успехи! Рассказывай, как живёшь.

– Хорошо живу, – снова ровно и механически произнесла Лариса, на лице её не дрогнули ни один мускул.

– Ты что, не рада встрече? – удивился Иво.

– Почему не рада – даже очень. Как ты?

– Занимаюсь бизнесом – торгую автомобилями, – приврал Иво.

– Алёша тоже имеет свой бизнес, – важно произнесла Лариса.

И тут Иво понял – она играет роль богатой дамы, жены солидного человека. Поэтому и разговаривает отработанным светским тоном. Ему стало смешно. Он долил в её бокал шампанского и предложил новый тост:

– За нашу встречу, за дружбу домами! Пьём до дна.

Лариса раскраснелась, легко улыбалась, рекламировала салаты, закуски. Иво откупорил вино, налил сестре, Николаю и себе.

– За удачу в бизнесе твоего Алексея! – провозгласил он.

После нескольких бокалов Лариса забыла о роли светской львицы, громко хохотала, подмигивала брату.

– Муж-то когда прибудет? – спросил Иво. – Хотелось бы и с ним познакомиться.

– Да, он, козёл, – вдруг заявила Лариса, – пока всех девок не соберёт в своей сауне, домой не приедет. Ну, и чёрт с ним! У меня тоже друг есть.

Увидев, как вытянулось лицо Николая, она засмеялась:

– Да, ладно, пап. Я пошутила! Это у меня манера такая!

– Лариса, больше не шути! – серьёзно сказал отец. – Алёша этого не любит.

– Алёша, Алёша... А я что, не человек?

– Ты – жена, женщина. Он тебя любит, одевает, обувает, за учёбу платить будет. А что дома мало бывает, так он работает на семью. Надо привыкнуть, быть терпеливой, – уговаривал Николай.

– Ну, ты, как всегда – только воспитывать и умеешь, – погладила Лариса отца по седым волосам. – Правильный ты мой!

– Значит, Алексея мы не дождёмся? – с сожалением спросил Иво.

– Бесплезно! – вздохнула Лариса.

– Ну, тогда, до свидания, сестричка! Я через день уезжаю. Жду тебя в гости в нашем славном городе Бийске, – Иво поцеловал Ларису в щёчку. Сестра ему понравилась – прикольная девчонка! Но попросить у неё денег на дорогу ему и в голову не пришло – она сама, похоже, на содержании у своего богатенького мужа.

16.

В десять утра Иво отправился на добычу. На этот раз решил положиться на случай. Уселся в первый подошедший к остановке троллейбус. Это был седьмой номер. Сначала он двигался по проспекту Metallургов, потом свернул на улицу Вольскую, выехал к трамвайной линии и вдоль неё укатил за длинный мост-виадук, висящий над железнодорожными путями. За мостом раскинулся рынок, где Иво ещё ни разу не пришлось побывать.

Здесь торговали вещами и продуктами деловитые и загадочные башкиры и чувашаи. Их непроницаемые лица, дорогие товары – меха, дублёнки, ковры, всё было основательным и непреложным. В каждой палатке – торговцы и торговки в национальных нарядах. Применить свою излюбленную тактику Иво не решился – сразу понял, что тут действует какая-то другая система. Скажешь не то, попадёшь в переделку. Поэтому просто прогуливался между рядами до тех пор, пока не принял решения. Оно пришло само собой.

Иво достал свой паспорт, запакванный в красную обложку с золотым тиснением, и сунул его в лицо пожилому торговцу:

– Налоговая полиция, капитан Иванов, – представился он уверенно и вальяжно. – Покажите документы. Есть лицензия на продажу мехов?

– Лицензия? Есть, – ответил старик, подавая Иво большой соболиный воротник, серебрившийся на солнце. – Возьми, даю от души.

– От души? – строго спросил Иво. – Ну, ладно, документы приготовь, в следующий раз проверю.

– В следующий раз, – подтвердил старик, кивая головой.

Иво, как ни в чём не бывало, двинулся вдоль рядов к выходу. Он знал, что задерживаться не стоит.

Рисковать два раза в день – было не в его правилах. Поэтому вскрывать присмотренную им богатенькую машину на стоянке перед рынком не стал. Удача не любит повторов. Домой вернулся довольный, но без денег и продуктов. Сделал бутерброд из остатков колбасы, заварил чай.

После обеда решил сдать автомагнитола, изъятую месяц назад из машины на площади у «Звезды», и воротник – цыганам на Кировском рынке.

Походил по рядам, нашёл шумную кучку ярко разодетых цыганок. Они сразу и с удовольствием стали рассматривать и оценивать вещи. Долго торговался с молодой цыганкой, она всё сбивала цену, кокетничала, толкала его в бок крутым бедром. Громко кричала, напирая на свой южный акцент:

– Нэ-э жадничай! Такой молодой, красивый – уступи! Для деток моих – уступи!

Но, наконец, они договорились. Вырученных денег должно было хватить на дорогу. Иво довольный и усталый, словно после трудового дня, купил на ужин пельменей и хлеба. Подумал и взял ещё полтарашку пива.

Они ужинали с дядькой, слушая радио, магнитофонные записи «Агаты Кристи» и одновременно смотрели телевизор. Иво любил, когда информация шла потоком и сразу по нескольким источникам. Так устроила природа, что скорость была необходима ему для хорошего самочувствия. Он и на автомобиле всегда носился на пределе возможного. Скорость, скорость и скорость – вот его Бог, его кайф и гармония! Хотя ждать и терпеть он тоже умел – жизнь научила и этому.

17.

Дядька провожал Иво до поезда. Они остановились перед вагоном, закурили. День был ветреный. Рваные разноцветные весенние облака быстро летели с запада, надвигаясь на город, и тут же покидали его, уступая место другим таким же летучим созданиям.

Николай был печален – он привык, что каждый вечер дома его ждал Иво. Кроме того, племянник хорошо подкормил его за полтора месяца гостевания. Теперь снова придётся жить полуголодной жизнью. Да и друзья-поэты потихоньку вернуться в дом на бесплатные ужины.

Состав дрогнул, засвистел где-то вдаль. Иво пожал руку дядьке и поднялся в вагон. Добравшись до места, помахал Николаю через двойные стёкла. Поезд тронулся. Дядька отодвинулся назад, и в окне понеслись столбы, провода, светофоры, будки с путейцами, держащими жёлтые флажки... Дорога, опять дорога! Иво надеялся, что через трое суток прибудет в Новосибирск.

Вагон почему-то сильно качало, может быть, от ветра. Колёса сбивались с такта. Пассажиры в соседнем купе громко обсуждали, как прошла свадьба у молодожёнов Ивана и Даши, хвалили невесту, жениха, вспоминали, кто что подарил. С другой стороны играли в карты, смеялись.

Иво чувствовал себя усталым. Казалось, с момента отъезда из Бийска прошла целая жизнь, которая навсегда отрезала его от прежней. Далёкой и недостижимой казалась мать – где-то на краю земли. Иво вспоминал её так, как будто не видел уже лет тридцать. За эти неполных два месяца он забыл, как выглядит её квартира. Казалось, что уже не помнит её улыбки, и ему становилось страшно – что-то важное, дорогое и родное уходило, утекало по капле, оставляя чёрную пустоту.

Он понимал, что память о прежнем просто погружалась куда-то вглубь сознания, уступала место многочисленным событиям, которые вмещали в себя новый мир – мир скитаний по чужим домам, бесконечным дорогам, где не встретишь ни одного знакомого лица, не услышишь доброго слова, обращённого к тебе. Именно к тебе, а не к случайному прохожему в твоём лице.

Одиночество среди людей, настороженность, недоверие к словам – вот чему научили его эти два долгих месяца. Казалось – в нём родился и вырос ещё один человек – осторожный

и хищный. И он, как ни странно, был намного старше того мальчишки, который ещё недавно сидел за школьной партой.

Иво взял постель, занял верхнюю полку. Он с удовольствием улёгся головой к окну и расслабился. Состояние было странным – похожим на гриппозное. Он долго ворочался с боку на бок, не мог найти удобного положения. Всё мешало, всё было не так – и тонкое одеяло, и плоская поролоновая подушка и глухая плотная духота в вагоне. И всё-таки незаметно навалился сон.

Казалось, что идёт он тем самым коридором в квартире сестры Ларисы. Только коридор такой длинный – конца не видно. Пол жёлтый, узорный – паркетный, светится изнутри. По правую и по левую руку – открытые двери. Тоже красивые, из цельного янтарного дерева. Внутри – стоят резные кровати. На них в кружевных одеялах и подушках лежат люди – кто газету читает, кто яблоки ест, кто воду пьёт из цветной бутылки.

– Да это больница! – воскликнул Иво. – Зачем я сюда пришёл? Терпеть не могу болеть и лечиться!

Навстречу по коридору идёт сестричка в белом халате.

- Лариса, – взмолился Иво, – выпусти меня отсюда! Мне здесь нечего делать.
- Вот сдашь анализы, тогда выпущу, – пообещала она.
- Ну, какие анализы! Мне же ехать надо – домой!

Тут сзади догнал его санитар в голубом костюме, Он вёз какое-то сложное устройство – через стеклянные окошечки видна была сиреневая жидкость. Иво шарахнулся вправо и задел плечом этот агрегат. Конструкция рухнула, разбилась, жидкость разлетелась во все стороны, забрызгала одежду и лицо. Кожу зажгло. Иво провёл рукой по щекам, стараясь стереть капли, и проснулся.

Сразу понял, что у него жар. С трудом спустился на пол, обулся и двинулся в начало вагона – к проводнику. Температура оказалась высокой – почти тридцать девять.

- Иди, одевайся, – сказал проводник, – я вызываю «скорую». В Челябинске – остановка.
- Может, выпить аспирина и подождать, – предложил Иво.

– Не имею права. А вдруг у тебя скарлатина или дифтерия. Собирайся – поедешь в больницу. Там выяснят, что с тобой.

Состав уже приближался к Челябинску. Иво прошёл на своё место, накинул куртку, надел кепку. Его мучило, но ехать в больницу не хотелось. Во-первых, пропадёт билет. Во-вторых, неизвестно, сколько времени он потеряет. Кроме того, денег – в обрез.

На больницу он не рассчитывал. Но и ехать дальше больному тоже нельзя. А вдруг это что-то серьёзное.

Но всё-таки, он пожалел о том, что обратился к проводнику. Надо было попытаться справиться своими силами.

18.

«Скорая», светясь красным крестом, стояла прямо на перроне. Иво посадили в кресло позади шофёра, машина развернулась и направилась по привокзальной площади к улице, где пристроилась в густой рычащий поток автомобилей. И хотя на её крыше работала мигалка, увеличить скорость было невозможно – двигаться или стоять приходилось вместе с потоком.

Наконец, на повороте водителю удалось вырваться из железных тисков и свернуть на боковую магистраль. «Скорая» понеслась вдоль квартала – всё ниже и ниже. Замелькали стандартные для всех городов жёлто-серые «хрущовки». Под горой машина снова круто повернула, и дальше ехать пришлось уже по пустынной улице с деревянными домами.

Иво в который раз в своих скитаниях снова поразился сходству с родным городом. Инфекционная больница в Бийске тоже находилась в старом районе – среди хлипких деревянных домишек. А везли его именно в инфекционное отделение – до выяснения диагноза.

Машина остановилась перед длинным бетонным бараком. Иво поднялся на плоское крыльцо и вошёл внутрь. Слева оказалась стеклянная загородка. Там за столом сидела дежурная в белом халате.

– Ваш паспорт, – равнодушно сказала она.

Иво подал документ и, пока заполнялись бумаги, осмотрелся. Картина очень напоминала увиденный в поезде сон – длинный коридор и двери, двери... Вдалеке у окна стоял худой мужчина в больничном наряде – блеклой хлопчатобумажной рубашке и таких же штанах. От этой незамысловатой картины веяло безысходной тоской, скукой лечебных процедур, ожиданием врачебного обхода, запахом безвкусных обедов и ужинов.

– Куда я попал! Вот дурак! – подумал Иво. – Если ничего серьезного не обнаружится, сразу сбегаю отсюда.

Дежурная, заполнив несколько бумаг, повела его сначала в подвал – в раздевалку, потом – в карантинное отделение. Это была обычная палата, отгороженная от общего коридора дополнительной фанерной дверью.

– Когда диагноз установят, – сказала она, – перейдёшь в общую палату. А пока побудь здесь. По коридору без надобности не шатайся – ты на карантине. Сейчас приду, измерю температуру, отберу кровь и мазки. Ужин тебе принесут сюда.

Иво присел на кровать поверх зелёного байкового одеяла, осмотрелся. В палате, видимо по причине карантина, была раковина с двумя кранами, зеркало и даже туалет, спрятанный в нише.

– Как в Европе! – удивился Иво. – Санитария – не придерёшься!

Он подошёл к зеркалу. На лице обнаружилось несколько тёмных пятен. Иво решил умыться, но пятна не исчезли. Когда вытирался полотенцем, заметил, что на одном из них появилась сукровица.

– Это сыпь, – понял он, – может, и вправду скарлатина. Господи, пронеси!

Вошла дежурная с пробирками. Иво показал ей пятна на лице, она подвела его к окну, внимательно рассмотрела кожу, поворачивая Иво то направо, то налево. И сказала почти весело:

– Слушай, да у тебя ветрянка! Ты что, в детстве не переболел?

– Нет, ветрянкой не болел.

– Ну, ты даёшь! Здоровый мужик, детскую инфекцию подхватил, – и она захохотала. – Такого я ещё не видела.

– А вот такой я не стандартный! – улыбнулся Иво. – Зря с поезда сняли – билет пропал. Сейчас уже к Новосибирску подъезжал бы.

– Да, тебе не повезло. Вернее, наоборот – повезло. А если бы это была дизентерия или дифтерия! Ну, кровь и мазки я всё равно у тебя возьму. Порядок есть порядок. И продержат тебя здесь, наверное, недели две. Пока не будут готовы все анализы. А температуры завтра уже не будет – останутся только болячки на месте сыпи. Они заживают долго.

Иво после разговора с сестрой успокоился. Про себя решил, что через три-четыре дня сбежит из больницы. Самая главная проблема будет – забрать паспорт и одежду из раздевалки. Её отдадут только после выписки. Но Иво не сомневался, что придумает способ, как это сделать.

Через час появился врач. Это был веселый пожилой дядька. Его серые глаза лучились добротой, выражение лица сообщало о покладистом нраве. На шее у него висел прибор, который Иво называл «слушалкой», в кармане торчала медицинская ложечка, в руках – тонометр. Он бодро осмотрел пленника карантинного отделения, потрогал печень, живот, послушал сердце, лёгкие. Повернул лицо Иво к свету.

– Живот не болит? Голова? Глаза не ломит? Как горло? – спрашивал он и, не дожидаясь ответов, сам себе сообщал: " Всё в порядке, всё в порядке».

Закончив осмотр, улыбнулся:

– Ничего страшного – это ветрянка. Но пока мы тебя задержим. Полежи, отдохни. По результатам анализов видно будет.

– Ветрянку – это же пустяки, – умоляюще посмотрел на доктора Иво, – отпустите меня завтра.

– Я бы рад, но не могу – таков порядок, – снова лучезарно улыбнулся врач. – У нас тут спокойно, кормят неплохо. Я сам здесь обедаю. Завтра перейдёшь в общую палату – к выздоравливающим. Договорились?

Он собрал свои инструменты и кругло выкатился за дверь.

Вскоре молоденькая няня принесла ужин.

– Вот ты какой, – удивилась она, – здоровенный, а ветрянку подцепил.

– И на старуху бывает проруха, – весело ответил Иво, принимая поднос с тарелками. – Лапша да каша – пицца ваша?

– В обед котлеты были. А ужин – вегетарианский. Вечером молоко давать буду с печеньем.

– У, ты какая! – шутливо погладил он девчонку по голове. – Красавица! Ты бы лучше паспорт мне принесла.

– Не положено. Только после выписки.

– А я иногородний. Меня с поезда с температурой сняли. Билет мой пропал, денег больше нет. Вот подал телеграмму, мне перевод придёт. Без паспорта не получить. Принесёшь? – улыбнулся Иво.

– Ладно. Через сутки я снова дежурить буду, тогда и принесу. А как телеграмму подал, на телеграф ходил что ли?

– Нет, я врача попросил, – делая правдивые глаза, сказал Иво.

Девчонка не соврала – через сутки, действительно, принесла паспорт. Теперь оставалось добыть одежду из раздевалки. В обед к инфекционному барaku подошла машина, привезла новые матрацы. Иво вызвался помочь при разгрузке.

– Мне только одеться надо, чтобы не простыть, – попросил он санитарку.

– Пошли в раздевалку, в своё оденешься. Потом сдашь, – согласилась она.

Иво, спускался в подвал, стараясь выглядеть равнодушным. Но внутренне он ликовавал – свобода уже приветливо махала ему рукой из-за машины, стоящей перед крыльцом. Он, в самом деле, помог шофёру перетаскать матрацы в комнату с табличкой на двери – там находился склад больничного белья. Потом вышел на крыльцо и, не оборачиваясь, двинулся прочь от больницы. Отойдя уже далеко, услышал крик санитарки:

– Эй, парень! Вернись! Куда пошёл?

Но в ответ Иво только ускорил шаг. За три дня инфекционный барак так надоел ему, что казалось запах хлорки следовал по пятам даже на улице. Дорога шла в гору. Весеннее солнце било в глаза, синицы пели звонко и весело. Но в кармане куртки лежало всего пятьдесят рублей. В пересчёте на советские – пять копеек. Нужно было как-то добывать деньги.

Иво добрался до остановки трамвая, вошёл в вагон, спросил у кондуктора, как доехать до рынка.

– Водитель объявит, слушай. Пока ещё далеко, – ответила она.

Вагон катился тем же путём, по которому «скорая» везла Иво. Он снова рассматривал город, находя запомнившиеся приметы – здание с сиреневым зеркальным покрытием, похожее на бассейн, полукруглый стадион с высокими трибунами, православную церковь...

– Следующая «Вокзал», – невнятно сообщил репродуктор.

Иво стал продвигаться к двери – народу набилось много, а ему на следующей выходить. Перед ним пробиралась вперёд грузная женщина. Она пыхла и орудовала локтями, как стенобитное орудие. Большая сумка, висящая на её локте приоткрылась. Там, среди пакетов с про-

дуктами лежал пухлый цветной кошель. Парень справа от Иво сработал абсолютно автоматически – толстая сумочка перекочевала в карман его куртки.

Иво инстинктивно (сам не зная зачем, может быть потому, что у них с Женькой был договор – простых бедных граждан не трогать) схватил его за руку, но парень посмотрел быстрым стеклянным звериным взглядом, и стало понятно, что помешавшему пощады не будет. Публика, приготовившаяся на выход, вывалилась из двери вагона. Иво не успел отступить внутрь, и ему пришлось тоже выбраться наружу.

Он быстрым шагом стал удаляться от остановки в сторону вокзала. Следом за ним – шаг в шаг – двигался тот самый парень из автобуса. Вдруг раздался истошный визг:

– Обокрали! Караул! Держите вора!

Иво не обернулся, не ускорил шага, но за спиной было слышно, как бегут несколько человек. Он тоже побежал. Его догнали уже за железнодорожными путями, сбили с ног, обшарили, вытащили паспорт. Трое парней, хорошо одетые с «накачанными» фигурами, долго пинали его куда попало. Дважды удары пришлись на левый глаз. Потом с Иво стащили куртку.

– Не будешь, падла, лезть на чужую территорию! – заявил один из них.

Легко перепрыгивая через рельсы, засунув руки в карманы, «качки» уходили прочь, громко переговариваясь и смеясь. Пару раз оглянулись – убедились, что Иво по-прежнему лежит на земле и скрылись за углом вокзала. Время как бы остановилось, замедлилось. Сознание увязло в каком-то болоте, и чахлые тополя, которые Иво видел сквозь качающееся розовое марево, поплыли и исчезли.

Глава третья. На дне

1.

Он никак не мог подняться – кружилась голова, левый глаз заплыл. Тело пылало от побоев, наверное, поднялась температура. Полежав некоторое время, Иво снова попытался встать. Но ему удалось только проползти два метра и сесть на рельсы. Уже стемнело, сильно похолодало. Всё тело болело. Озноб усиливался. Иво понимал, что нужно попасть в тепло, иначе он просто замёрзнет здесь, на путях. Он рывком поднялся, но тут же упал, ударившись правым боком о рельсы, застонал от боли и бессилия.

– Это кто здесь кувыркается? – услышал он хриловатый молодой голос. – Ты что, пьяный?

– Нет, я не пил, – ответил Иво, – меня избили. Сам идти не могу.

– Ладно, помогу тебе. Расплатишься потом? – спросил всё тот же девичий голос.

– У меня ничего нет. Даже одежду сняли. Документы забрали.

– Чёрт с тобой! Давай помогу, поднимайся, – девушка подставила плечо, поддержала его за спину, и они двинулись через рельсы в сторону светящегося здания вокзала.

– В вокзал нельзя входить – там менты. Заберут в обезьянник. Идём в мою пещеру. Не бойся, никто тебя там не убьёт, – добавила она, почувствовав, как Иво затормозил.

Свернув направо, они стали спускаться под гору. Шли долго. Иво стало казаться, что так будет всегда – темнота, боль, холод, беспросветный вечный путь. Но, наконец, девушка остановилась.

– Нагнись, да пониже, пониже, – скомандовала она.

Почти на коленях вползли они в какую-то землянку. Там горел огарок свечи, поставленный на камень, и кто-то ворочался в полутьме.

– Не бойся, это Гарик. Ему двенадцать лет. Мы здесь ночуем – тут труба горячая проходит. Если вход закрыть, то тепло, как дома, – пояснила девушка.

– Вы что, живёте здесь? – удивился Иво.

– Живём – не живём, но ночуем – это точно. А днём – весь мир наш! Ты не рассуждай, ложись – вон матрац. Хотя и драный, но на нём тепло, – предложила девушка.

– Спасибо. Я – Иво, а ты?

– Мама называла меня Элен, а сейчас все зовут Ленкой.

– А мама где? – спросил Иво.

– Умерла. Меня отдали в детдом. А я сбежала.

– Извини, – сказал Иво, – я не хотел тебя расстроить.

– Ничего. Я уже привыкла – три года прошло, – спокойно ответила Ленка. – Гарик, есть хочешь? Я булку принесла.

Мальчишка молча протянул руку, взял кусок, принялся есть.

– Ну, рассказывай, как ты оказался на путях. Из вагона выбросили? – поинтересовалась Ленка.

Иво честно рассказал всё, что произошло.

– Это тебя ребята из банды Хмурого били. Они по трамваям промышляют, а ты под горячую руку попался, – прокомментировала Ленка. – Завтра попробую про твой паспорт узнать. Может, ещё сумеем вернуть. Но сильно не надейся – наверняка его уже продали. Ладно, давай спать. Возьми вот это одеяло. Правда, это бывшее одеяло, но закрыться им можно.

Ленка задула свечу. Иво оказался в крошечной тьме. Даже какой-нибудь слабый, рассеянный свет не проникал в землянку ниоткуда. Это угнетало, несмотря на то, что Иво бил озноб и ему сильно хотелось спать.

– Вот такая темнота – без единого просвета – наверное, в Аду, – почему-то подумал он.

Представив себя со стороны – зарытого в земляную нору где-то на пустыре в чужом городе, Иво затосковал по матери, родным глазам, теплу, уюту. Здесь никто не знает, кто он. Здесь он – бездомный неизвестный, бродяга без роду-племени.

Ленка тихонько подползла под одеяло, прислонилась спиной к спине Иво, поворочалась немного и засопела – уснула. Она чувствовала себя в этой могильной землянке как принцесса во дворце. Какой же должна быть жизнь у этой девчонки, чтобы единственной защитой стала волчья нора в земле?

Иво прикрыл глаза. Странные синие звёзды вспыхивали где-то в глубине сознания, приближались, раскрываясь, как цветы на рассвете. Он видел их внутренним зрением и удивлялся – ничего подобного раньше не замечал. Наконец, понял, что это от побоев – скорее всего от сотрясения мозга, усталости и боли. Любое усилие, даже попытка поднять руку ко лбу, отзывалось летучими болями во всём теле. Голова раскалывалась – казалось, огонь горит на темени, посылая горячие волны вглубь мозга. Левый глаз болел так, словно в него вгоняли штопор.

- Поднимается температура, – сказал кто-то тягучим скрипучим голосом.
- Да, – согласился Иво. – Это температура.

Синие звёзды становились всё ярче и яростнее. Они взрывались, рассыпаясь на мелкие летучие осколки. Каждый из них, как пуля, впивался в мозг, причиняя колющую боль. Наконец, синие звёзды стали складываться в живые картинки. Иво казалось, что там, в другом глубоким и далёком мире, он бежит по синей аллее, и деревья преследуют его. Их корявые ветви цепляются за полы одежды, тянут назад, не дают двигаться. Но Иво сопротивляется изо всех сил и бежит, падая и снова поднимаясь.

Несмотря на жар, Иво понимал, что бредит. Он старался не стонать, чтобы не разбудить Ленку и Гарика. Но к утру сознание выключилось, как электрическая лампочка.

2.

Иво увидел ярко-белую вертикальную полосу, размытую проникающим через неё сияющим светом – казалось, что стоит призрачная фигура с приподнятыми крыльями. Долго не мог понять, *что* он такое видит. Наконец, вспомнил – это землянка. Огляделся, насколько позволял полумрак, но никого не обнаружил. Низко, почти над самой головой, висел земляной потолок с торчащими корнями каких-то растений. Слева угадывалась большая металлическая труба теплотрассы с ободранной изоляцией. Оттуда веяло жаром. Из дверной щели наоборот несло холодом. Где же Ленка? Где Гарик?

– А вдруг Ленку и Гарика забрали менты, а землянку завалили бульдозером? – почему-то подумалось Иво.

Страх накатил ледяной волной, сердце застучало, жалуясь и плача – на миг показалось, что его живьём похоронили. Но, осознав, что в дверную щель пробивается дневной свет, рассмотрев в серой темноте рваное одеяло, из которого клочьями топорщилась вата,

Иво понял, что жуткая замогильная картина – только иллюзия. От моментально выступившего пота стало холодно. От стен потянуло сыростью, запахом земли. Иво попытался встать на колени, но тело не слушалось – руки и ноги затекли. Сверлящая боль в виске сопровождала каждое его усилие, но он был рад тому, что зрение сохранилось. В его короткой жизни это была уже третья травма – и всё в одном месте, на левом глазу.

– Сколько же я пролежал здесь – в этой могиле? Может быть, месяц? А может, всего один час? Надо выбираться наружу. Ленка и Гарик могли влипнуть в любое происшествие. Ждать их бесполезно, – думал Иво.

Новая попытка встать на колени почти удалась, но сильно закружилась голова, он не удержал равновесия и упал на бок. Боль пронизала грудную клетку. Иво понял, что следы побоев

не зажили – значит, с тех пор, как Ленка привела его в землянку, времени прошло немного. Он снова и снова пытался встать на четвереньки – наконец, ему повезло. Теперь нужно было двигаться к выходу.

Иво пополз на свет, стараясь не завалиться на бок – упадёшь, встать уже будет трудно. Одеревенелые конечности передвигал, словно ходули, почти не чувствуя их.

Упершись лбом в хлипкую дверь, Иво отодвинул её и просунул в щель. Яркое солнце ослепило – он зажмурился, привыкая к свету. Открыв глаза, увидел, что находится на дне оврага.

Впереди и сзади возвышались его глиняные склоны, чуть присыпанные снежком, из-под которого пробивалась буро-жёлтая прошлогодняя трава, торчали метёлки сухого ковыля. Землянка была вырыта внутри склона, как волчья нора.

Иво почувствовал, как, нарастая изнутри, начинает сотрясать всё тело озноб – то ли от холода, то ли от слабости. Но ждать нельзя – нужно выбираться из оврага, дальше будет ещё хуже, ведь у него нет ни еды, ни питья, не говоря уже о лекарствах. Сначала он добрался до склона оврага.

Отдохнул минуту и двинулся на четвереньках вверх. Когда ему удалось подняться уже на целый метр, правое колено вдруг поползло вниз. И как Иво ни цеплялся за кустики сухой травы, ничего не получилось – он оказался там же, откуда начал движение – на дне оврага.

– Надо быть осторожнее, – сказал Иво и удивился своему хриплому чужому голосу.

Он снова начал подъём, и опять сполз вниз, не удержавшись на скользком склоне. Третья попытка закончилась тем же. Иво продвинулся несколько правее – там, казалось, уклон был менее крутым. Ему удалось подняться почти на два метра.

Теперь с этой высоты он медленно, но неизбежно сполз на дно. Отчаяние навалилось, как дикий свирепый зверь – Иво заплакал от бессилия.

Неужели он так и погибнет здесь – в чужом пустынном месте, где никто не найдёт его. Да и кто будет искать, если ни одна живая душа не знает, что кто-то потерялся. Мать не дожждётся своего сына.

– Мама, я обманул тебя – обещал вернуться, а сам... — слёзы катились по щекам Иво. – Мамочка! Прости меня, дурака!

3.

Иво не представлял, сколько прошло времени. Он потерял счёт своим попыткам выбраться наверх. Руки его стали чёрными от земли. Ноги заledenели от холода – склоны оврага, промёрзшие и присыпанные снегом, высасывали живое тепло из тела. Колени уже ничего не чувствовали.

– Эй, ты куда, скиталец? – услышал Иво девичий голос.

Это была Ленка. За её спиной маячила мальчишеская фигура Гарика в причудливой большой – не по размеру – куртке.

Иво поспешно вытер слёзы. Ему стало стыдно – склон оврага был основательно укатан следами его тела. Ленка сейчас всё поймёт.

– Слушай, да ты весь дрожишь! У тебя снова жар, – кричала Ленка. – Всё моё лечение насмарку! Козёл! Кто тебя просил выползть!

Они с Гариком подхватили Иво с двух сторон и потащили в землянку. Ленка принесла литровую банку с бульоном и полбулки хлеба.

– пей бульон, пока горячий, – орала она, – вот ещё таблетки, аспирин. Бульон и таблетки ukrала в больнице с кухни. Думала, ты уже почти здоров. А ты, козёл! Теперь снова будешь лежать, пропадать...

Иво пил бульон, осторожно держа банку, как величайшую драгоценность. Он понимал, что это – его спасение. С обожанием смотрел он на свирепую Ленку, готовую, казалось, убить своего подопечного. Она, наконец, перестала орать и, видя, что Иво выпил полбанки горячей жидкости, сказала:

– Есть аппетит, не вырвало – значит, всё нормально! Значит, тебе лучше. Ты хоть знаешь, что неделю пролежал в бреду? Гарик добывал пищу, а я сидела тут – рядом с тобой, чтобы ты не прислонился случайно к трубе, не обжёгся. Ожог нам уже было бы не вылечить. Я боялась, что ты захлебнёшься слезью – она отходила из бронхов. Это от побоев, от температуры. Сегодня ты уже не метался, было видно, что спишь и нормально дышишь. Бред закончился. И мы с Гариком пошли добывать пропитание. Часа два нас не было, и ты умудрился, козёл, выползти на снег!

– Ну, прости, Лен! – сказал Иво, отдавая ей банку с бульоном. – Поешь. Голодная, наверное?

– А ты думал! И Гарик тоже голодный. Тут нам хватит. С хлебом наедемся. Ну, ты, друг, и напугал нас. Я думала – у тебя снова бред, и ты поэтому лезешь в гору, – Ленка засмеялась.

– Почти угадала. Я думал – вы про меня забыли. Ну, если не забыли, так сидите в «ментовке». Поэтому и полез – жить-то охота! – говорил Иво, глядя в счастливое лицо Ленки.

Если бы неделей раньше кто-то сказал ему, что бомжи могут быть счастливы, он не поверил. А теперь – факт на лицо. Перед ним сидит девчонка, у которой нет дома, одежды, денег, документов – сидит в теплотрассе и улыбается лучезарной улыбкой. Несмотря ни на что, она – человек, и не потеряла способности сочувствовать и помогать другому. Хотя ей самой нужна помощь. И, может быть, завтра она погибнет, утонет в вонючем болоте жизни, но сегодня она сама помогает тому, кому помощь нужна больше.

Иво смотрел на Ленку, как на богиню. Она сидела спиной к двери, и свет дня, просачиваясь в щели, сиял над её головой лучистым нимбом.

Иво понимал, что Ленка пока полна сил, она совсем ещё девчонка, в ней много жизни и света. Но он понимал и то, что хватит этого богатства ненадолго. Ему хотелось плакать о том

страшном будущем, которое неизбежно придёт. Он чувствовал это будущее – и своё, и Ленкино, и Гарика... Оно надвигалось осязаемо и тяжело, подминая под себя секунды, минуты, дни... И тащило за собой удушливую волну тоски и безнадёжности.

– Ну, расскажи, чудо в перьях, как ты оказался в Челябинске? Ты здесь живёшь? – спросила Ленка. – Мы же ничего про тебя не знаем.

Иво улыбнулся, стараясь прогнать нахлынувшие страхи. Он рассказывал Ленке свою немудрёную, и в то же время почти фантастическую историю. Это была история домашнего мальчика, молниеносно превратившегося сначала в «Остапа Бэндера», потом – также молниеносно – в бомжа, живущего в теплотрассе. Ленка смеялась весело и открыто, когда Иво рассказывал о своих «наездах» на торговцев то под видом «крыши», то в лице налогового полицейского.

– А не попробовать ли нам твою тактику? – хохотала она.

– Э, нет! Для этого нужна классная одежда, иначе никто не поверит. Вместо продуктов – в морду дадут! – улыбался Иво.

– Да-да, ты прав! – соглашалась Ленка. – Придётся сначала одежду украсть. Или раздеть кого-нибудь вечером.

– Слушай, ты же хотела про мой паспорт узнать, —вспомнил Иво.

– Я и узнала. Про паспорт забудь. Его сразу же продали. Хмурый не для того вытащил твою бумагу, чтобы возвращать.

– Ладно, – сказал Иво, – придётся восстанавливать, когда домой вернусь. Ленка, а может, ты поедешь со мной? Мы тебя пристроим куда-нибудь в киоск – будешь игрушки продавать.

– А Гарик? Я же его не брошу.

– И Гарика заберём. Его мы тоже работой обеспечим.

– Гарика нельзя уезжать, – сообщила Ленка, – его могут разыскивать родственники. У него есть дядя. Дядя знает, что Гарик уехал в Челябинск. Не знает он только, что сестру Гарика убили бандиты, и пацану пригрозили тем же, если поедет жаловаться родственникам. Гарик боится ехать поездом – там везде их люди. А на самолёте без денег и без документов не улетишь. Вот он и ждёт, когда дядя начнёт искать его. Без меня Гарик пропадёт.

– Жалко, – покачал головой Иво, – в Бийске ты жила бы как за каменной стеной.

– Вот приедет дядя, заберёт Гарика, тогда я сама найду тебя, – пообещала Ленка. – Да тебе ещё самому домой добраться надо. Думаешь, это так просто?

– Знаю, что теперь не просто. Документов нет, денег нет. Придётся снова «зайчиком» становиться. Лишь бы здоровье не подкачало – доберусь! – уверенно сказал Иво, но сердце его сжалось.

Тоска снова подступила вплотную, как опасный зверь. Он вспомнил того самого бомжа, которому дал прикурить в тамбуре ночью, когда поезд подходил к праздничному сверкающему огнями городу Златоусту. А теперь и он сам – такой же бомж. Мысль, случайно мелькнувшая тогда в его голове, материализовалась, оказалась пророческой.

– Плохие мысли – опасны и заразны, – решил Иво. – Поэтому надо думать только о хорошем.

4.

Остаток дня и весь долгий вечер Иво рассказывал Ленке и Гарику, какая у него хорошая мать, как много она знает, как любит его. Рассказывал про друзей – Женьку, Казака. Не упустил и историю с угоном «девятки» – с юмором описывал, как петляли они с Женькой по лесной дороге, отрываясь от погони.

Потом Ленка вспоминала свою мать, большой дом, в котором они жили в Ижевске, счастливую домашнюю жизнь с праздничными чаепитиями, подарками, пирогами. . . Рассказала, как отец бросил их, женился на молодой, как мать заболела после этого. По голосу было слышно, что Ленка плачет. Иво нашёл её руку, погладил наугад в крошечной темноте и произнёс голосом уверенного в себе мужчины:

– Ты обязательно приедешь в Бийск, станешь работать в киоске, потом купишь квартиру, и у тебя будет свой дом. Не плачь, Лен! Всё наладится.

– Я знаю, что наладится, – сквозь слёзы говорила Ленка, – если бы не верила в это, давно бы утопилась.

Они уснули, прижавшись все трое друг к другу, как волчата, потерявшие мать, но готовые бороться за жизнь вместе, обогревая и защищая каждого в этой маленькой стае. Перед тем, как провалиться в сон, Иво успел подумать о том, что было бы с ним, если бы Ленка не нашла его на путях. Она, бездомная, вечно голодная, никому, по сути, не нужная на этом свете, спасла ему жизнь.

Ленка ещё три дня не выпускала Иво на улицу, кормила его украденными на рынке или где-то в погребах продуктами. За это время он съел все таблетки аспирина. Ему становилось лучше и лучше. Наконец, «медсестра» разрешила выйти на прогулку.

Иво встал на ноги и смог удержать равновесие. Через пятнадцать минут он уже прогуливался по дну оврага без поддержки – Ленка стояла около землянки и хохотала. Иво качало из стороны в сторону, словно пьяного.

– Держись, солдат! – громко орала она. – Скоро в бой пойдёшь!

Сухой ковыль на склонах блестел от солнца, где-то звонко и весело выводила весеннюю мелодию синица, воробьи хором чирикали, носясь стайкой поверху оврага. Над землёй летели лёгкие цветные облака. Снег уже растаял – яркими голубыми глазами неба улыбалась настоящая весна.

– Скоро в бой! Скоро домой! – кричал Иво, запрокинув голову и глядя в сумасшедшую синеву солнечного дня. От головокружения он чуть не упал. Ленка поддержала его, и они стали танцевать вальс, двигаясь вдоль склонов оврага.

– Наверное, мы выглядим как близнецы Чарли Чаплина на балу, – смеялся Иво.

И вправду, картинка была экзотической – два кое-как одетых бомжа, выделяющихся танцевальные «па» в овраге.

Странно, но Иво почему-то отгонял мысль об отъезде. Он как-то свыкся с тёмной земляной норой и даже был благодарен этому жилищу за приют и тепло. Какое бы оно ни было, но без него Иво не смог бы выжить. Ему не хотелось оставлять в Челябинске Ленку и Гарику.

Он почти наяву видел, как Ленка нарядная, умытая, причёсанная сидит в киоске среди цветных игрушек и важно отсчитывает сдачу покупателю. Потом включает кипятильник, заваривает кофе и пьёт из маленького одноразового стаканчика. Вот она достаёт из сумочки сиреневую помаду и подкрашивает губы. Смешно, но это сейчас казалось ему верхом счастья.

– Ленка, поклянись, что приедешь в Бийск, как только Гарика заберёт дядя, – приказал Иво.

– Клянусь! – засмеялась Ленка. – Давай адрес.

– Запоминай – улица Приречная, дом пять, квартира три. Там живёт моя мать.

– Запомнила. Приречная – пять, квартира – три. Не забуду никогда! – опять смеялась Ленка, кружась в обнимку с Иво.

Они повалились на траву и долго сидели, прищурив глаза от солнца, слушая песни птиц. В этот момент они свято верили в счастливое будущее, в то, что жизнь когда-то обернётся к ним одним из своих приветливых ликов.

Ленке в тот сияющий весенний день было четырнадцать, Иво – семнадцать лет. Они не знали о том, что колея жизни редко отпускает на волю своих пленников. Им казалось, что в жизни всё возможно.

5.

Гарик принёс куртку, украденную из палатки на рынке. Ему она была велика – рукава свешивались чуть не до колен. Иво наоборот – еле натянул её. Но рассчитывать на другую одежду сейчас, пока он «не в форме», не приходилось. Иво чувствовал, что нужно ехать домой, иначе он может заболеть после травм, голодовки и долгой лёжки в землянке. Но не хотелось уезжать, не отблагодарив Ленку и Гарика. Поэтому Иво решил «почистить» хотя бы один богатенький автомобиль. Маленькая стальная отмычка, затолканная на всякий случай в шов на кармане рубашки, так и осталась у него, несмотря на потерю куртки.

На следующий день вдвоём с Ленкой они отправились к большому бассейну для обеспеченных посетителей. Ленка знала, что по утрам в бассейн приезжают в основном богатые дамы со своими чадами. Иво был доволен – он считал, что «работа» будет нетрудной. В бассейне люди проводят много времени – никак не меньше часа, поэтому, не спеша, можно справиться с любыми трудностями. Нужно только проследить, какая машина только что оставлена хозяевами, чтобы не напороться на тех, кто уже возвращается обратно.

Они прибыли вовремя – через пятнадцать минут бассейн начинал утренний заплыв. Машины прибывали одна за другой. Стоянка, видимо ещё по старым советским правилам, не охранялась. Ленка осталась стоять на углу соседнего здания. Это был кинотеатр. Она пристроилась к афише и потихоньку наблюдала за окрестностями.

Иво прошёлся между рядами машин и уверенно направился к одной из них. Одна секунда – и он внутри салона. Ленка чуть слышно ахнула – так поразил её виртуоз-взломщик. Сердце её замерло – казалось, время тянется, как резина.

– Что он там сидит? Что сидит? – бормотала Ленка себе под нос, нервно теребя пуговицу.

Она даже забыла о том, что должна наблюдать за обстановкой – вдруг появятся «менты». Но всё было тихо. Наконец, Иво, как ни в чём не бывало, вышел из автомобиля, спокойно захлопнул дверцу и направился к Ленке. В руках он держал автомагнитола и большой синий пакет с цветным рисунком.

Они быстрым шагом двинулись прочь. Только на трамвайной остановке Ленка вздохнула облегчённо.

– Ну, ты мастер! – сказала она. – Открыл, как свою, и сидит там – отдыхает! А я стой и дрожи!

– Уже не надо дрожать, – улыбнулся Иво. – Мы с тобой «купили» автомагнитола, плеер, набор инструментов, кожаную безрукавку и кепку. Плеер и кепку я беру себе, остальное – вам с Гариком. Толкнёте цыганам – поживёте недели две, как у Христа за пазухой.

– Иво, ты друг! – смеялась Ленка. – Оставайся с нами. Втроём мы не пропадём!

– Я бы остался, – с сожалением произнёс Иво, – но мать... Она ведь ничего обо мне не знает уже больше двух месяцев. Наверное, все глаза выплакала.

– Я пошутила, – толкнула его Ленка в плечо, – знаю, что тебе надо ехать. Мать – святое дело! Я бы на край земли поехала к матери.

Иво обнял Ленку, и так они, прижавшись плечом к плечу на трамвайном сидении, доехали до вокзала.

Гарик, увидев богатую добычу, запрыгал вокруг Иво – ему хотелось послушать музыку. Он надел чёрную кожаную безрукавку, нацепил плеер и стал танцевать лезгинку, приспособив движения к рок-музыке. А Ленка хохотала, как сумасшедшая, глядя на маленького грузина. Иво тоже хохотал, пристроился к Гарику, и они вдвоём по всем правилам, соревновались друг с другом, придумывая на ходу фигуры танца.

Это был прощальный бал – на следующий день с вокзала отправлялся в Новосибирск товарный поезд. Ленка узнала об этом от знакомой проститутки, которая дружила с машинистом.

6.

Они стояли на восьмом пути, спрятавшись за состав. Прохладный ветер с ледяной сквозинкой гудел, как в печной трубе, пролетая вдоль длинного тела товарного поезда. Белые лёгкие облака неслись в синеве, быстро меняя форму, рассеиваясь на ходу и снова возникая ниоткуда. Было сказочно светло и как-то хрустально чисто на душе, но в то же время глубинная провальная тоска, ощущение предстоящей разлуки рождали чувство опасности. Казалось, что начинается волшебная сказка, но чтобы попасть в неё, нужно перепрыгнуть через огромную пропасть.

Иво обнял Ленку с этим ощущением полёта над пропастью, быстро поцеловал её в обветренную щёку, и полез привычным ходом в самодельный проём товарного вагона, боясь оглянуться. Ленка снаружи заделала дыру, сдвинув кусок рубероида, и заложила заплату жестяным прикрытием.

– Иво! – сказала она дрогнувшим голосом, – ты слышишь меня?

– Слышу, – откликнулся он, – ты помнишь мой адрес?

– Приречная – пять, квартира – три. Помню!

– Ленка, я жду тебя! Попробуй только не приехать!

– Что ты! Обязательно приеду. Сдам Гарика дядьке – и сразу к тебе! – говорила Ленка, а слёзы сами катились по щекам.

– Не смей плакать! Всё будет хорошо! У тебя будет свой дом! Слышишь, Ленка? Я жду тебя!

– До свидания! – крикнула она и побежала вдоль вагонов, удаляясь от Иво, унося с собой и синее небо, и летучие облака, и пространство будущей жизни, в которой ему, может быть, не отведено места.

– У тебя будет свой дом! Слышишь, Ленка? Я жду тебя! – прошептал Иво

Состав дёрнулся, прогудел далёкий гудок локомотива. Вагон поплыл вдоль путей. Иво, сидя в темноте на каком-то ящике, обхватил голову руками, собирая всю волю в кулак, но не удержался – слёзы хлынули из глаз.

– Хорошо, что Ленка не видит, – сказал он вслух, вытирая рукавом лицо.

Вытащил из кармана плеер, надел наушники и включил прокрутку. Кассета одна, но ему повезло – это был альбом «Агаты Кристи». Иво улёгся на картонные коробки и, закрыв глаза, вытирая всё ещё наворачивающиеся слёзы, слушал знакомую мелодию. Контраст красивой музыки и царапающих сердце слов создавал эффект рокового пророчества: «А ночью по лесу идёт Сатана и собирает свежие Души...»

Товарняк набрал скорость и летел, дробно выстукивая колёсами какое-то дикое стаккато. Ветер свистел и выл, пробиваясь в щели – на улице бушевала весенняя холодная буря. Вагон дёргалось и качало, но Иво не обращал на это внимания. Он готов был слушать и слушать, без конца прокручивая кассету. С музыкой он даже не чувствовал голода. С едой на этот раз ему не повезло – в картонных коробках упакован лосьон для бритья.

Ночью стало холодно. Иво попробовал согреться, прыгая на месте, но это мало помогло, потому что свободным был всего лишь пяточок. На этой чёртовой лысинке не попляшешь.

– Придётся пить лосьон, – поморщился Иво. – Противно, но что делать? Иначе заболею, опять не доеду домой.

Он вскрыл коробку, достал увесистую гранёную бутылочку, открутил пробку. Жидкость обожгла язык и нёбо, в горле тоже загло. Иво чуть не задохнулся от приторного парфюмерного вкуса, но, прокашлявшись, понял, что теперь не замёрзнет. Тепло шло изнутри, как из печки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.